КУРС: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

КНИГА 1.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Рассмотрены теоретические основы политической психологии, проблемы политического лидерства и власти, психология политического насилия, диктатуры и свободы, психология политической культуры, сознания и поведения.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Теоретические основы политической психологии. Политика как психологический феномен. Истоки политической психологии. Перспективы политической психологии.

Психология политического лидерства. Личность в политике. Психология власти. Психология лидерства.

Психология политического насилия. Психология диктатуры. Психология насилия. Психология свободы.

Психология политической культуры. Динамика политического сознания. Психология политического поведения. Политическая культура.

ЛИТЕРАТУРА

Базовая

*1. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.

Дополнительная

*2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

*3. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. Спб., 1992.

4. Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии. М., 1990.

5. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991.

*6. Иванов В.А. Политическая психология. М., 1990.

7. Шварценберг Р.М. Политическая социология. М., 1992.

*8. Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992.

9. Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1993.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Политика как психологический феномен

Прежде чем познакомиться с предметом политической психологии, попробуем обозначить, что же такое сама политика. Наши обыденные представления о политике чаще всего ограничиваются обозначением ее как сферы, достаточно далекой от нашей повседневной жизни (что-то, чем занимаются там, "наверху") и эпитетом "грязная", который чаще других соседствует со словом политика. Но, если дать себе труд отойти от поверхностных стереотипов, то следует признать, что хотя политика действительно включает в себя борьбу за власть, но она не сводится

только к грубому выяснению отношений между политиками, в котором любые средства хороши. Это все же некая цивилизованная форма отношений по поводу власти.

Одни авторы акцентируют в политике ее управленческие функции, говоря, что политика — это искусство управлять обществом. Другие подчеркивают ее связь с властными отношениями, причем имеют в виду, прежде всего, силовые методы осуществления власти. Третьи указывают на связь политики с правом.

ПОЛИТИКА КАК СИСТЕМА. В политической науке при всем многообразии определений ее основного объекта исследования — политики, есть несколько важных аспектов, которые в этом объекте выделяются. Так, первое, что понимают под этим термином, — это ***политика как система государствен -ных институтов .*** Действительно, говоря о политике, мы, прежде всего, вспоминаем о государстве как системе политических институтов , куда входят Президент и парламент, армия и система безопасности, министерство внутренних и министерство иностранных дел, финансы и социальное обеспечение (табл. 1).

Политологи изучают, как устроено то или иное государство, как оно регулирует отношения граждан и власти, отношения властных структур между собой. Зрелая политическая система предполагает, что разные институты выполняют различные функции и между ними существует разделение труда: внешняя и внутренняя политика имеют свою специфику, а для обеспечения эффективного управления нужны профессионалы, знающие свое дело.

Многие проблемы в осуществлении власти возникают тогда, когда происходит смешение разных видов, или как принято называть, ***ветвей власти***. Принцип разделения властей предполагает, что независимо друг от друга и с равной степенью ответственности перед обществом действуют ***законодательная, исполнительная и судебная власти***. В современном обществе к ним принято добавлять и ***четвертую власть*** — средства массовой информации, которые освещают жизнь общества и служат каналом обратной связи между гражданами и политиками.

Важной частью политической системы являются ***политические организации, партии, общественные объединения и движения*** . Граждане добровольно объединяются в них, чтобы защищать свои права, проводить свои интересы. Политические партии, число которых в нашей стране на 1 января 1995 года по данным ИТАР-ТАСС превышало две сотни, с одной стороны, отражают разнообразие политических интересов, с другой — в силу своей малочисленности и отсутствия опыта, оказывает не слишком значительное влияние на ход политического процесса.

Так, накануне выборов перед избирателями стоит сверхсложная задача: выбрать наиболее привлекательный политический блок или партию. Перед выборами 1995 года было зарегистрировано более 50 политических блоков и объединений, число же претендентов на депутатское место по одномандатным округам составило около 30 человек на одно место. Устойчивый электорат есть лишь у нескольких наиболее заметных партий. Большинство же избирателей будет делать свой выбор практически вслепую. В этом случае единственным ориентиром при выборе становятся ***политические лидеры,*** лица которых люди запомнили и которые являются символами определенной политической группы. Правда и в отношении знакомых лидеров у наших граждан ярче представлены не столько позитивные, сколько негативные установки, поскольку политики вообще ассоциируются с властью.

ПОЛИТИКА КАК ПРОЦЕСС. Вторым важнейшим измерением политики является динамика функционирования системы политических институтов. **Политический процесс** - изменения, которым подвергаются политические институты, исполнители разных функций и правила политической игры. В мире идут войны и революции, реформы и стагнация. Политические процессы бывают мирными и насильственными, постепенными и скачкообразными.

Важно, что изучая политику только как набор законов, правил, как ту или иную конфигурацию институтов, необходимо помнить: эта система подвержена изменениям. Современная политика быстро и драматично изменяется, порождая много сложностей как для самой системы, не успевающей приспособиться, так и для конкретных участников процесса, теряющих почву под ногами, нуждающихся в специальных механизмах ориентации в неустойчивом политическом мире.

В последние десятилетия политическая наука стала все чаще обращаться к анализу политического процесса, который не всегда превращается в форму устойчивых политических институтов. Среди проблем, которые интересуют и теоретиков политики, и тех, кто принимает решения, назовем, например, проблему формирования политических взглядов граждан и профессиональных политиков, культурный и национальный контекст политического процесса, становление новых политических движений, вхождение человека в политику и ряд других.

Сегодня становится все труднее самостоятельно разобраться в смысле происходящих процессов, определить, какие события могут стать значимыми для каждого из нас, а какие окажут влияние лишь на верхушку политической пирамиды. Ряд исследований выявил, что некоторые важные политические события (например, события перестройки, ГКЧП, распад СССР, смерть академика Сахарова, чеченская война, война в Югославии) оказали на политический процесс и на сознание целого поколения граждан определяющее воздействие (табл. 2).

ПОЛИТИКА КАК СИСТЕМА ПРАВИЛ ИГРЫ. Третий важный аспект понимания политики проявляется через ***систему правил политической игры.*** Как и любая другая социальная система, политика подчиняется регулирующим ее законам. Эти законы бывают как писаными (нормы права), так и неписаными (традиции, обычаи, правила поведения). В эпохи быстрых перемен подвергаются изменению официальные нормы и предписания. Пишутся новые конституции, принимаются своды законов, призванные регулировать официальные отношения между властвующими и подчиненными.

Из опыта нашей повседневной жизни мы хорошо представляем себе, как непросто добиться исполнения даже давно существующих законов, осуществить гарантированные ими права, пробиться сквозь частокол всевозможных бюрократических инструкций. Представители исполнительной власти сетуют на то, что законы не исполняются. Частая смена правил игры приводит к появлению правового нигилизма, неуважению к законам, которые меняются так часто, что нет смысла их принимать в расчет.

В такие периоды общество начинает управляться не столько писаными, сколько неписаными правилами, устанавливаемыми не официальной политикой, а группами, имеющими реальную силу (в том числе и грубую силу, и силу денег). Именно они и "заказывают музыку". Нередко эти теневые структуры становятся реально более эффективными в осуществлении политических функций, чем те, кто формально считается властью.

Между тем в эпохи перемен неформальные политические ценности и правила игры диктуют не только те, у кого есть сила или деньги. Нередко, именно люди, олицетворяющие неподкупность, справедливость и правду, моральную силу, задают тон в политической игре. Так было в первые годы перестройки, когда на волне борьбы с несправедливыми привилегиями, на политическую авансцену вышли Б.Ельцин и Д.Сахаров. Так было в конце 1994 — начале 1995 года, когда с осуждением действия властей в отношении Чечни выступил Сергей Ковалев. Такие фигуры, олицетворяющие представление людей о справедливости, особенно заметны на фоне общего отношения граждан к официальной политике. Так, согласно данным, полученным летом 1995 года, подавляющее большинство респондентов (93,1 %) недовольно тем, как действует власть в России. Частично это объясняется тем, что власть воспринимается ими как эгоистическая: более 62 % опрошенных уверены, что те, кто сегодня стремится к власти, делают это для улучшения своего материального положения, 50 % — для самоутверждения властителей, а 44 % думают, что власть нужна для командования другими. Лишь 30,6 % наших граждан сохраняют надежду, что политики идут во власть, дабы принести пользу обществу.

Сложные зависимости между официальными и неофициальными политическими нормами складываются не только по поводу отдельных функций политической системы (охраны правопорядка, выдвижения лидеров, управления). В любой сфере политической жизни эти два свода правил действуют постоянно. Вопрос только в том, в каком они находятся соотношении. Если неофициальные правила преобладают, это приводит к деградации государства, утрате моральных ориентиров и в конечном счете — к упадку системы. При другом варианте дисбаланса официальные ценности вытесняют неписаные правила, не оставляя места выражению личных и групповых интересов, контролируя все проявления деятельности граждан. Такой тип политического устройства известен как тоталитарный. Он ведет к обеднению всех структур гражданского общества и враждебен проявлению индивидуальности каждого отдельного человека.

Политика как система ценностей. Четвертый подход к политике определяется учетом ***системы ценностей, мнений, установок*** граждан. Такое понимание политики выделяет в ней ее доктринальный, идеологический характер. У каждого человека есть свое понимание политики, свои оценки того, как работает кабинет министров, и что происходит в армии. Эти мнения носят, как правило, достаточно противоречивый характер, складываясь в пеструю мозаику "обыденного сознания". Такие политические ориентиры складываются под влиянием многих воздействий: от чтения свежей газеты до разговора с соседом.

Некоторые из этих установок мимолетны, иные — сохраняясь в психологической структуре личности всю жизнь, принимают форму убеждений. Но без этих психологических образований в головах людей никакое государство, партия или лидер не могут воздействовать на поведение

граждан. Даже для того, чтобы выполнить простейшую политическую роль — в качестве избирателя, необходимо определить приоритеты в предлагаемых политических ценностях.

Как показывают исследования, в самых разных политических системах большинство граждан не имеют согласованной системы политических взглядов. Их политические установки запутаны, противоречивы, не всегда рациональны и не обязательно соответствуют их объективному политическому интересу.

Однако осознание своих интересов и консолидация ценностей политическими партиями и движениями приводит к созданию политических доктрин, идеологических конструкций. **Политическая доктрина** — систематизированный, относительно непротиворечивый набор политических ценностей. Главная цель политической доктрины — помочь каждому, кто разделяет эти ориентации, более полно отождествить себя со своей политической группой.

Политика как деятельность. Пятое понимание политики — как ***вида человеческой деятельности*** . Данная трактовка политики связана с представлением о том, что политику делают люди, а следовательно, их поступки и есть главный объект изучения политической науки. При таком подходе необходимость в привлечении психологических инструментов наиболее существенна.

Еще в начале нашего века немецкий психолог Э. Шпрангер выделял среди других человеческих типов — тип человека политического. Действительно, политики-профессионалы обладают рядом психологических характеристик, предопределяющих притягательность для них этой сферы жизни. Однако в современном демократическом обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда — усиление интереса политологов к поведению лидеров и рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла.

Человек как компонент политики. Признание политики в качестве неотъемлемой части человеческой жизни — идея, уходящая своими корнями глубоко в историю. Еще античные мыслители задавались вопросами о природе политической жизни. Так, Аристотель доказывал,

то заниматься политикой человека побуждает его собственная природа. "Государство, — говорил он, — принадлежит тому, что существует по природе, и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек." По мнению античного мыслителя, государственная форма политики вырастает из объединения людей сначала в форме семьи, потом поселения. Затем объединения поселений превращаются в полис — государство.

Итак, заниматься политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Поэтому логично, что Аристотель называет человека ***политическим животным*** — Zoon politikon, ни в коей мере не придавая этому словосочетанию обидного смысла. Ведь в самой нашей психологии заложены такие естественные потребности как потребность властвовать и подчиняться. Последующая история политической мысли обогатила представления о политике как системе разнообразных человеческих потребностей, приобретенных и врожденных. Среди них благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общефилософскую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая психология во второй половине XX века приступила к исследованию тех факторов, которые мотивируют включение человека в политику и участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует и свой подход к исследованию, свой угол зрения на человеческое измерение политики .

Прежде всего внимание политических психологов в XIX веке привлекли массовые стихийные формы политического поведения, такие как стихийные бунты, демонстрации, паника, поведение толпы. Начиная с работ французского исследователя Гюстава Лебона, политическая психология занимается поиском движущих сил стихийных типов политического действия и находит их, преимущественно, в ***иррациональных*** , т. е. бессознательных структурах психики человека. Среди отечественных психологов этой проблемой особо интересовался В. М. Бехтерев, предложивший объяснение воздействия толпы на личность через механизмы заражения, внушения и образования не только индивидуальных, но и коллективных рефлексов.

Современная политическая жизнь дает немало примеров того, как иррациональные психологические механизмы воздействуют на ход политического процесса. Одним из наиболее ярких примеров является необъяснимое, на первый взгляд, поведение депутатов парламента на своих заседаниях. Многие их решения были продиктованы не столько рациональным расчетом,

личными или групповыми интересами, сколько взаимным эмоциональным заражением в ходе дискуссии.

Так, например, в 1999 году Дума принимает резолюцию по косовскому конфликту, которая настаивает на односторонних действиях России, хотя парламентарии прекрасно понимают, что ни Президент, ни МИД, ни другие государственные ведомства не смогут их выполнить. Дело не только в том, что депутаты преследуют некие свои интересы, а в том, что сам ход обсуждения подталкивает их к более рискованным решениям, чем те, что были бы приняты в тиши их кабинетов. В психологии такой феномен получил название ***группового мышления***, когда само наличие группы сдвигает принимаемое решение в сторону большего риска.

Парламенты не только в современной России, но и в других странах нередко демонстрируют своеобразие политического поведения народных избранников, доходящих порой до выяснения отношений в политике с помощью кулаков, взаимных оскорблений и других действий, диктуемых не столько холодным расчетом, сколько эмоциями. Не случайно, еще Лебон выделил парламентские собрания, как отдельный вид толпы, подчиняющийся тем законам массового поведения, которые свойственны большим социальным группам в отличие от малых групп и индивидов.

Не следует думать, что сообщество других людей всегда действует лишь в сторону некоторого озверения, как это кажется на первый взгляд. Присутствие других людей, их взаимное внушение, заражение, идентификация могут приводить в политике к самым разнообразным эффектам. Энтузиазм и сплоченность участников массовых выступлений привели к успеху многие национально-освободительные движения. Демократические преобразования стали возможны в годы перестройки в немалой степени благодаря массовым выступлениям самых разных людей, объединившихся и отождествивших себя с идеей демократии. Здесь для нас важно подчеркнуть, что мотивы, приводящие людей к участию в массовых формах политического поведения, диктуются не только их рациональными интересами, расчетом, но и эмоционально окрашены, не полностью осознаны и в наибольшей степени оказывают воздействие на личность в присутствии других людей во время стихийных политических действий.

Сказанное не означает, что политическую психологию интересуют лишь бессознательные проявления человеческой психологии. Многие разделы этой дисциплины специально посвящены изучению политики как организованной деятельности, где ***рациональные*** интересы, осознанные цели претворяются в те или иные политические действия.

В числе первых современных концепций, рассматривающих человека как компонент политической системы, была ***концепция "политической поддержки",*** предложенная американскими политологами Д. Истоном и Дж. Деннисом. Их интерес к человеческому компоненту политики был вызван новыми процессами, в частности, необходимостью политической мобилизации населения, ранее не участвовавшего в политике. Процессы, происходящие в настоящее время в России, при всем их своеобразии также вписываются в мировой контекст и требуют от граждан включения в изменившийся политический процесс в ролях, которые они ранее не исполняли. Отсюда задача рационального включения граждан в избирательную систему, научение их демократическим нормам.

Одна из наиболее перспективных концепций в современной политической психологии исследует процесс принятия политических решений как во внутренней, так и во внешней политике. На основе экспериментов, эмпиричес ких исследований и теоретических разработок, политические психологи предлагают конкретные технологии эффективного политического управления, достижения поставленных политическим руководством целей. Правда, следует заметить, что какими бы совершенными не были научные разработки, чисто рациональные расчеты не дают стопроцентного успеха. Как выразился бывший председатель Правительства России В.С. Черномырдин: "хотели как лучше, а вышло как всегда". Это высказывание звучит как формула соотношения рациональных и иррациональных факторов, воздействующих на политический процесс.

Для политической психологии в равной степени важны оба ряда феноменов: и осознанное политическое участие граждан, рациональная постановка ими политических целей и проявления иррациональных импульсов, неосознанная политическая активность. Чтобы более предметно представить себе, чем занимается политическая психология, рассмотрим некоторые политические феномены, которые привлекают особенно пристальное внимание исследователей.

Психологические феномены в политическом процессе. Откройте свежую газету или включите программу телевизионных новостей. О чем, в первую очередь, сообщают нам информационные агентства? Боевые действия на Балканах, демонстрации протеста, выборы, сообщения о принятых правительством решениях, скандал, затрагивающий ту или иную партию

или конкретного политика. Попробуйте самостоятельно проанализировать, что в этих текущих политических событиях определено объективными политическими или экономическими законами, а что — результат усилий конкретных людей или партий. Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Сегодня уже ни у кого из серьезных политологов и политиков не вызывает сомнения тот факт, что психологический компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

Однако есть некоторые политические феномены, в которых присутствие психологических факторов выступает особенно рельефно. Одним из таких феноменов является ***национализм.*** Признание безусловного превосходства своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами. Когда распался Советский Союз, одним из первых вооруженных конфликтов, вспыхнувших на его территории и до сих пор не нашедших своего разрешения, стал конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Каждая из конфликтующих сторон дает свое обоснование того, почему именно она должна владеть данной территорией. В ход идут и исторические аргументы, и апелляция к справедливости, и призывы к международному общественному мнению. Однако все рациональные аргументы сторон не могут скрыть главного: психологической почвой возникновения конфликта были националистические чувства, подогретые определенными политическими силами, которые использовали их для разжигания конфликта. Даже, если объективно никто из его участников уже не будет заинтересован в продолжении военных действий, "выключить" националистические установки автоматически невозможно.

Психология национализма изучается достаточно давно. Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно и его соавторов, установили, что националистические установки входят в качестве составляющей в более общий психологический феномен, которым является ***авторитаризм .***

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так, первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере, в развитых странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое.

Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к возникновению этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Именно поэтому одно из годичных собраний Международного общества политических психологов (ISPP) в 1993 году вновь выбрало для обсуждения тему авторитаризма и национализма. Одним из главных выводов этого обсуждения было заключение о том, что политики, стремящиеся найти выход из замкнутого круга этнических конфликтов, военных столкновений и нетерпимости в отношении другого народа, не могут оперировать только объективными политическими инструментами и не учитывать то, как один народ в данный момент воспринимает другой, и как это сиюминутное восприятие накладывается на традицию политической культуры .

Другой проблемой, над которой работают современные политические психологи, является ***насилие и агрессия*** в политике. Появились целые отрасли знаний, получившие название биополитика и вайленсология.

Биополитика - раздел политической психологии, исследующий проявления альтруизма, насилия, агрессии, защитных реакций, доминирования и других фундаментальных свойств природы человека в политике.

Вайленсология (от английского violence — насилие) - раздел биополитики, который изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления, в частности.

Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия и агрессии в человеческом обществе. Одни авторы убеждены в том, что агрессия — это естественная реакция индивида на фрустрацию и природно необходима человеку. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Так уже в 70-е годы появились исследования, показавшие связь между увеличением количества сцен насилия в кино и на телевидении и ростом детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены агрессии действуют провоцирующе на формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

Насилие в политических процессах встречается в самых разных формах. Есть государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм. Такое насилие узаконено, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Международное право признает правомерность использования силы, в том числе и военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон признает и право индивида на применение насилия в рамках достаточной самообороны.

Однако следует со всей определенностью сказать о последствиях для человека, который применял даже узаконенное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов криминального разгула. С человеком происходят серьезные психологические трансформации, меняющие его отношение к самому себе и другим людям.

Американские солдаты, прошедшие через войну во Вьетнаме, как и наши солдаты, воевавшие в Афганистане и Чечне, прошли через испытания жестокостью, не получившей достаточной нравственной легитимизации со стороны общества. Сейчас, без специальных мер по их психологической реабилитации, эти люди сами не могут адаптироваться к невоенной реальности: они нуждаются в помощи профессиональных психологов. Общество, не осознающее этого, рискует получить взрыв насилия, становящегося нормой повседневной жизни.

Политический конформизм - поведение индивида в ситуации давления на него группы, приспособление к требованиям группы и ее нормам, которое не всегда осознается человеком. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то он поступает как политический конформист.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что есть определенные объективные и субъективные условия, при которых конформизм расцветает. Например, если выборы проходят под дулами автоматов, то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным от давления. Однако хорошо известно, что участие в выборах в нашей стране в советские годы проходило не в условиях репрессий, но тем не менее в силу политического конформизма голосовали "за" практически безальтернативного кандидата свыше 90 % избирателей.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп, давление которых на своих членов осознается ими в той или иной степени. Авторитарный стиль управления способствует развитию политического конформизма, между тем, как демократический — способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии стилей, климата, царящего в политической организации, необходимо иметь в виду, что конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных из них.

Остановимся еще на одном психологическом феномене: ***восприятие партнерами друг друга.*** Американский политический психолог Роберт Джарвис показал в своих работах, что многие национальные лидеры не замечают угрозу своей стране на международной арене в силу того, что их внимание сфокусировано на проблемах внутриполитической борьбы.

Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является искажение их образа стереотипами, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государства должны быстро отреагировать на ситуацию, в силу чего стресс усиливается. Одним из классических примеров является Кубинский кризис, в ходе которого Кеннеди и Хрущев чуть не довели дело до мировой войны. Причиной того, что они пошли на прямую конфронтацию, были неверные представления о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления. Советники каждого из вождей по отдельности давали более осторожные рекомендации. Собравшись в группу, они пришли к гораздо более рискованным выводам.

Сейчас издано немало учебников по политической психологии, в которых даются весьма разнообразные научные трактовки этой отрасли психологической науки. Наиболее устоявшимся является следующее определение. **Политическая психология** - отрасль психологической науки, изучающая когнитивные и поведенческие аспекты психологии личности политиков-профессионалов, а также все многообразие групповых процессов, происходящих в политике.

1.2. Истоки политической психологии

Политическая психология признана как перспективная область исследования в мировой политической науке достаточно давно. Да и в отечествен ной литературе, несмотря на

идеологические табу, первые разработки появились еще в годы хрущевской оттепели, хотя лишь с перестройкой связано ее официальное признание как составной части политической науки.

Возникновение и развитие политической психологии имело свои особенности в разных политических системах. Попробуем проследить наиболее важные вехи этого процесса за рубежом и в нашей стране.

Становление западной политической психологии. Пока еще не написана подробная история политической психологии от Платона до наших дней. Но, очевидно, что предыстория этой науки богата выдающимися именами политических мыслителей. Наиболее значительные идеи о соотношении личности и власти, о природе человека в политике, о воспитании хорошего гражданина, о том, каким надлежит быть правителю, — размышления Аристотеля, Сенеки, Макиавелли, Руссо, Гоббса, Смита, Гегеля и множества других великих мыслителей, легли в основание новой дисциплины.

Однако все эти мыслители работали в иных теоретических рамках, которые не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Впрочем, психологии как науки в современном смысле слова тоже не было во времена Руссо или Гоббса. Только во второй половине XIX века стали появляться концепции, которые можно было бы назвать непосредственными предшественниками современных политико-психологических работ.

Историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в самой политике появилось совершенно новое явление. Помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты в политике заметное место стали играть ***народные массы.*** Одним из первых уделил внимание этой теме француз Г. Лебон, написавший "Психологию народов и масс", "Психологию толпы" и "Психологию социализма". В этот же период появились "Преступная толпа" итальянца С. Сигеле, "Социальная логика" француза Г. Тарда и ряд других работ.

Появление на политической авансцене массы как нового субъекта было связано с развитием промышленности, ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, революциями, забастовками. По резко негативной оценке первых проявлений массовой политической активности можно представить себе, как напуганы были современники этих событий. Г. Лебон увидел в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Среди различных видов массы он в первую очередь исследовал ***толпу*** — как наиболее спонтанное проявление неорганизованной активности. Вполне справедливы и сегодня те психологические характеристики, которые он обнаружил у толпы: агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность.

Однако, если в работах конца прошлого — начала этого века была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, те опасности, которые оно несет с собой, то исследователи XX века, напротив, уделяли внимание позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Так, современные политические психологи много внимания уделяют массовым движениям (от движения за права женщин до экологических движений).

Еще одним источником формирования современной западной политической психологии стали идеи психоанализа. Знаменитая книга Г. Лассвела "Психопатология и политика" открывается справедливым утверждением автора: "Политология без биографии подобна таксидермии — науке о набивании чучел". Действительно, описание политического процесса без его творцов — скучно, да и неверно. Жанр политического портрета использовали авторы самых разных ориентаций. Например, в России начала века большой популярностью пользовалась книга психиатра П.И. Ковалевского "Психиатрические этюды из истории", где представлена целая галерея портретов политических деятелей от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона.

Именно психоаналитическое движение придало политическому портретированию широкую известность. Одно из первых исследований принадлежит перу З. Фрейда и У. Буллита о Вудро Вильсоне. Большой вклад в создание таких портретов внес последователь Фрейда, чикагский политический психолог Г. Лассвел. В качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карты. При этом он исходил не из того, что политики, как и другие люди, могут иметь те или иные отклонения, которые и представляют интерес для биографа. Лассвел искал, прежде всего, скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего политика психологические травмы. Власть же является тем средством, которое компенсирует указанные травмы, что и объясняет ее притягательность.

Современное состояние политической психологии. Фунда-ментальные и систематические теоретические разработки по психологии политики начались в 60-е годы XX века в США под влиянием "поведенческого движения". Тогда при Американской психиатрической ассоциации была создана группа для изучения проблем международной политики, которая в 1970 году переросла в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 году в Американской ассоциации политических наук возник исследовательский комитет по политической психологии, а в 1979 году на его основе было организовано Общество политических психологов, уже получившее статус международного (ISPP). Это общество сразу начало издание своего журнала "Political Psychology". В настоящее время публикации по политико-психологической проблематике появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В ISPP сейчас более 1000 членов практически со всех континентов. Ежегодно оно проводит свои собрания, посвященные наиболее актуальным теоретическим проблемам. Так, годичное собрание 1994 года проводилось в Испании и рассматривало тему "Психологические аспекты политики изменения", а собрание 1995 года в Вашингтоне обсуждало тему "Национальное строительство и демократия в мультикультурных обществах".

Хотя политическая психология получила действительно международное признание, однако большая часть исследователей живет и работает все же в США и Канаде. Назовем имена таких крупных ученых, как М. Херманн, Р. Сигел, Д. Сирс, С. Реншон, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Р. Такер, Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи и десятки их коллег практически во всех североамериканских университетах.

В Европе существуют свои давние традиции анализа политико-психологических явлений. Успешно работают в области политико-психологических исследований в Германии (А. Ашкенази, П. Шмидт, Г. Ледерер, Х.-Д. Клингеманн, Г. Мозер и др), Франции (А. Першерон, А. Дорна, С. Московиси), Великобритании (Х. Хаст, М. Биллиг, А. Сэмюэль). А также в Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах. Хотя следует отметить, что традиционные политологи испытывают в Европе определенные опасения перед иррационалистическими концепциями психологов (прежде всего, перед психоанализом), с которыми у них по преимуществу и ассоциируется политическая психология.

Следует отметить, что интерес к политической психологии наблюдается и в таких регионах, где раньше и политическая наука, и психология не имели развитых традиций, либо традиционные школы находились в отрыве от современной методологии. Так, в последние десятилетия исследования в этой области проводятся в Латинской Америке, в Африке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, таких странах, как Китай, Индия, Пакистан, не говоря уже об Австралии и Новой Зеландии, где ведется огромная исследовательская работа, издаются десятки монографий.

Хотя единичные книги и статьи появлялись и ранее, отсчет современного этапа развития политической психологии, очевидно, следует вести с издания в 1973 году коллективной монографии под редакцией Джин Клутсон, в которой подведены итоги развития этой науки и выделены важнейшие направления для дальнейшего исследования. Другой крупной вехой было появление монографии под редакцией М. Херманн в 1986 году. Эта книга дает представление о тех изменениях, которые произошли в политической психологии. М. Херманн выделила следующие позиции. Во-первых, большинство исследователей пришло к убеждению, что фокус изучения должен быть сосредоточен на взаимодействии политических и психологических феноменов. Во-вторых, объектом исследования должны стать наиболее значимые политические проблемы, к которым привлечено внимание общественности. В-третьих, следует уделять значительно большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений. В-четвертых, необходимо изучать не только результат тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять процесс формирования тех или иных политических убеждений. И, наконец, в-пятых, современные политические психологи стали гораздо более терпимыми в отношении методов сбора данных и исследовательских процедур, полагая, что методологический плюрализм — неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории.

О состоянии науки во многом можно судить по тому, как и кому она преподается. В качестве примера можно взять практику университетов США и Канады. В 90-е годы в 78 университетах читалось более 100 курсов политической психологии. Лекции и семинары по политической психологии слушало более 2300 студентов только на младших курсах. Преподавание ведется как для студентов-политологов, так и для психологов.

Другим параметром развития науки является ее прикладное использование. Так, политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при

заключении Кэмп-Дэвидской сделки между Израилем и Египтом. Специалисты по политической коммуникации в разных странах Европы и Америки внесли свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским и президентским выборам.

Ряд политических деятелей сами владеют психологическими методами, используют их для выработки стратегии на будущее и для анализа прошлого. Например, один из соперников Дж. Буша по президентским выборам 1988 года, М. Дукакис активно работает в области политико-психологической теории. Такие известные политические деятели, как Р. Никсон и Д. Локард психологически осмысливают свой прежний политический опыт. Интерес к работам по политической психологии проявляют политики всех ориентаций. Они используют данные этой науки для налаживания отношений с общественностью, для мобилизации населения на выполнение реформ, для принятия решений по важнейшим стратегическим направлениям политики.

Отечественная психология политики. Современная российская политическая психология также имеет замечательных предшественников. Особенно богато наследие конца XIX — начала XX веков, когда интерес к личности, к психологическому компоненту социальных процессов был широко представлен и в политической мысли, и в философии, и в нарождавшейся социологии.

До сих пор представляют не только историческую ценность концепции целого ряда русских мыслителей того периода. Так, в "Очерках по истории русской культуры" П. Милюков прослеживает развитие российской политической культуры, в частности, особенности русского политического сознания в его "идеологической" форме на протяжении всей русской истории. В свой русский период П. Сорокин размышлял над проблемой социального равенства, свободы и прав человека. Пережив ужасы гражданской войны, он попытался их осмыслить не только как социолог, но и как тонкий психолог. В начале века выходят пять маленьких томиков "Психиатрических эскизов из истории" П.И. Ковалевского, представляющие собой вполне реальную альтернативу психоаналитическим подходам к биографии политиков. Позже, уже в 20-е годы вышла книга Г. Чулкова о русских императорах, где даны блестящие психологические портреты русских правителей.

Отдельная страница истории политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России особенно после революции 1917 года. О необычайной судьбе тех, кто увлекся ставшей модной теорией З. Фрейда, можно прочесть в книге А. Эткинда "Эрос невозможного". Пожалуй, самое поразительное в истории расцвета, запрета и вновь проявившегося интереса к психоанализу уже в наши дни, это именно его связь с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что не будь среди увлеченных идеями психоанализа таких политиков, как Троцкий, Каменев, Радек, судьба этой психологической школы в России была бы иной.

Еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Но, очевидно, это можно будет сделать не раньше, чем осядет пыль после политических и идеологических баталий новейшего времени. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В нашем обществоведении преобладали тенденции, которые подчеркивали определяющую роль масс в политическом процессе и, одновременно, недооценивали значение личностного фактора, деятельность отдельных политических групп. При этом трактовка масс была весьма упрощенной. Они понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические посылки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим к этому, что реального знания о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

В этом отношении политическая психология находилась еще в худшем положении, чем социальная психология и социология. Последние дисциплины дважды за послевоенный период приступали к изучению человеческих компонентов общества в целом и политики в частности. Оба раза эти попытки были связаны с реформой системы: в годы хрущевской оттепели и в годы перестройки. Первый этап возникновения серии работ, касающихся политико-психологической проблематики, относится к началу — середине 60-х годов. Работы Б. Ф. Поршнева, Ю. Н. Давыдова, В. Д. Парыгина, Ю. Ф. Замошкина и других социологов, историков и психологов ввели в научный оборот проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении. В эти годы происходит первое знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в советском контексте.

В 70 — 80-е годы эта проблематика перемещается на периферию научных дискуссий и общественного интереса. В то же время, оставаясь невостребованной, она не перестает развиваться в рамках отдельных отраслей знания. Так, в рамках страноведения, под защитой

рубрики "критика буржуазной" социологии, политологии и иных теорий были опубликованы результаты отечественных исследований специалистов по развивающимся странам (Б. Ерасова, Б. Старостина, М. Чешкова, Г. Мирского и др.), американистов (Ю. Замошкина, В. Гантмана, Э. Баталова), европеистов (А. Галкина, Г. Дилигенского, И. Бунина, В. Иерусалимского).

Политологи-страноведы обсуждали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и другие политико-психологические сюжеты, оставаясь в рамках зарубежного материла, так как проводить непосредственное исследование своей собственной политической жизни не рекомендовалось. Книги А. Галкина, Ф. Бурлацкого, А. Федосеева, А. Дмитриева, Э. Кузьмина, Г. Шахназарова и других советских политологов заложили основу современной политологии в целом и политической психологии в частности. Создание Советской ассоциации политических наук способствовало поискам отечественных политологов в указанном направлении, помогало их приобщению к зарубежному опыту исследований.

Второй период обостренного общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 80-х годов с началом процесса демократизации и гласности, получившим название "перестройки". Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись те ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: А. Асмолов, Э. Баталов, Г. Дилигенский, Е. Егорова-Гантман, И. Кон, Д. Ольшанский, А. Петровский, С. Рощин, Ю. Шерковин и другие известные политологи, психологи, социологи. За ними последовали их ученики, исследователи более молодого поколения.

В 90-е годы сама политика дала новый мощный толчок к развитию политической психологии. Начал формироваться социальный заказ на исследования по электоральному поведению, восприятию образов власти и политиков, лидерству, психологическим факторам становления многопартийности, политической социализации и многим другим.

Сейчас в стране работают десятки исследователей, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимающихся одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно востребованы немногочисленные специалисты в этой области в период выборов, где они способны просчитать ситуацию не на глазок, а с использованием специального научного инструментария.

Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Курсы лекций читаются во многих отечественных университетах. Вышли первые учебные пособия по политичес кой психологии. В 1993 году образовалась Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом ISPP.

1.3. Перспективы политической психологии

Дискуссии о предмете политической психологии. Еще совсем недавно как в области политической науки, так и в психологии высказывались сомнения относительно судьбы политической психологии как самостоятельной научной дисциплины. Политологи традиционной ориентации подвергали сомнению сам подход к политике, который, по их мнению, страдал редукционизмом, т.е. сводил собственно политические явления к психологическим. Так, американский политолог С. Хоффман возмущался исследователями, которые идеологию сводят к иррациональным конструктам, а национальную идентификацию трактуют как патологический призыв к базовым инстинктам агрессивного толка или примитивным защитным механизмам. Действительно, ряд ранних исследований в области политической психологии, особенно находящиеся под влиянием психоанализа, дали основания для подобных упреков. Хоффман был прав, когда утверждал, что "враги не всегда являются лишь простыми проекциями негативного опыта личности. Иногда это вполне реальные существа".

В отечественном обществоведении ситуация осложнялась к тому же еще и официальными идеологическими табу. Псевдомарксистский экономический детерминизм выносил за скобки любые факторы воздействия на политику, не вписывающиеся в традиционную схему анализа. Психология была в числе "нежелательных" феноменов в анализе политики.

У психологов были свои недоумения по поводу предмета новой дисциплины. Если западные психологические школы, в основном позитивистской ориентации, рассматривали свой предмет на манер естественно-научных дисциплин, то в любом ценностно-окрашенном исследовании они видели отход от канонов подлинной научности. Понятно, что политика не может быть таким же предметом исследования, как минерал или лягушка, т.е. предметом

ценностно-нейтральным. Любой ученый привносит свое собственное видение политики и свои политические ориентации в политико-психологическое исследование.

В дискуссиях по предмету политической психологии можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса, происходило постепенно и отягощалось методологическими крайностями пионерских исследователей. Так, работа З. Фрейда и У. Буллита об американском президенте Вудро Вильсоне, написанная еще в 30-х годах, не публиковалась до 1967 года в связи с тем, что были живы некоторые описанные в ней персонажи. Но, когда эта книга все же вышла, даже психологи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, нашли содержащиеся в ней методы анализа личности этого политика чрезвычайно упрощенными, устаревшими.

Во-вторых, и работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение, политическое мышление или политическую культуру, нередко методологически недостаточно обеспечены и включают в качестве научного инструментария политологические и психологические, статистические и социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки.

В-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках самой этой науки, но и в работах по этнографии, страноведению, экономике, истории, социологии и др. В последние годы появилось немало интересных публикаций, имеющих междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на развитие нации и т.д. Все эти проблемы входят в круг исследования психологии политики, но не получили пока в ней достаточного освещения и зачастую не осознаются специалистами из смежных дисциплин в их политико-психологическом звучании.

Различны и точки зрения специалистов на объем изучаемых политико-психологических феноменов, включаемых в предмет. Так, Г. Г. Дилигенский, вслед за рядом американских политических психологов полагает, что политическая психология не должна заниматься макрополитическими процессами. Ее предмет должен трактоваться как ***психология политиков*** . Такая позиция сужает не только предметную область, но и предполагает пользование исключительно инструментарием индивидуальной психологии. М. Херманн, Дж. Кнутсон, Х. Юлау и другие не менее авторитетные политические психологи придерживаются другого подхода. Они, напротив, видят задачу политической психологии более широко. В предмет исследования включаются не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии личности политиков-профессионалов, но и все многообразие групповых процессов, происходящих в политике.

Основные категории анализа. Как и любая наука, политическая психология использует свой научный язык, свой категориальный аппарат. В силу междисциплинарного характера исследований в них соседствуют категории, используемые философами, антропологами, социологами, психологами и политологами.

Так *политическая философия* внесла свой вклад в становление политической психологии, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями о соотношении личности и государства, о подчинении гражданина политике (Т. Гоббс) и интересе, который лучше любого насилия управляет политическим поведением личности (А. Смит). Такие философы, как А. Тойнби и П. Сорокин, Дж. Оруэлл обогатили психоисторию как раздел политической психологии представлениями о психологических компонентах масштабных политических процессов. Общетеоретические идеи Т. Парсонса и Р. Мертона принесли новое понимание политики как системы, в которой индивид является одним из элементов. Нередко эти метатеоретические представления специально не обсуждаются. Но именно эти концепции подчиняют себе исследовательские процедуры.

Социология и социальная психология дали политической психологии основные методические приемы, методологию исследования. Эти дисциплины, как и политическая психология, не претендуют на широкомасштабные обобщения, оставаясь в рамках теорий среднего уровня. Такие категории, как роли, нормы, ценности, интересы, лидерство, конформизм, социализация, ресоциализация, политическая социализация, политические факторы социализации и многие другие, описывают внутригрупповое и межгрупповое поведение человека. Его становление в социальной среде как гражданина политические психологи заимствовали из названных дисциплин. Рассмотрим основные понятия, характеризующие политическую социализацию.

Социализация - процесс включения индивида в общество через усвоение им опыта предыдущих поколений, закрепленного в культуре.

Ресоциализация - процесс переучивания тому, что было прочно усвоено в детстве и юности и что составляло фундамент данной личности.

Политическая социализация - процесс усвоения законов, постепенное овладение необходимыми социальными навыками, осознание своих прав и способов их реализации, понимание сложных взаимоотношений между различными людьми и социальными институтами.

Политические факторы социализации - система факторов, куда входят: характер и тип государственного устройства, режим, политические институты, партии и организации.

Психология личности , представленная самыми разными ориентациями, обогатила политическую психологию такими категориями, как поведение, мотивация, когнитивные структуры, стиль мышления, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений и др. Те направления, которые базируются на психоаналитических подходах (например, психобиографическое), используют такие категории, как защитные механизмы, авторитарное подчинение, операциональный код. Исследователи, стоящие на позициях когнитивной парадигмы, предпочитают говорить о менталитете, о когнитивных картах личности политиков и их стиле политического мышления, о семантическом пространстве. Последователи А. Маслоу и К. Роджерса в политической психологии оперируют понятиями мотивов, потребностей, ценностей. Приверженцы бихевиоризма рассматривают поведение человека в политике сквозь призму наказания, поощрения, цены, обмена, стимула и пр.

Политология снабдила политическую психологию категориями политической системы, политического участия, конфликта и консенсуса, плюрализма, гегемонии, демократии и иными понятиями, описывающими политические феномены. В политической психологии они работают в том же значении, что и в политологии, наполняясь при этом собственно психологическим содержанием.

Методы политико-психологических исследований. В современной политической психологии царят методологическая терпимость и плюрализм. В конкретных исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ. Это связано как с отсутствием общепризнанных теоретических схем, так и с междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин к сложному и многоуровневому объекту — поведению человека в политике.

Объект конкретного исследования диктует методы, адекватные его изучению. Так, различные феномены массового политического поведения требуют таких методов, как ***анализ статистических данных***, проведение массовых ***опросов*** с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведения ***фокусированных интервью*** и метода ***фокус групп.*** Подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила широкий спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателя. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такого рода работа дает очень прицельные результаты. Политик получает детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентаций, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Например, один из самых дорогостоящих проектов под руководством Р. Инглхарта и П. Абрамсона ставит своей задачей анализ динамики политических ценностей в 49 странах мира с разными типами политических систем.

Хотя исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе всего к социологическим методам, но их содержание диктует применение таких методик, которые адекватны изучаемым психологическим феноменам. Отсюда и выбор таких исследовательских процедур, как ***проективные методики*** (например, метод неоконченных предложений), ***метод ассоциаций*** и др.

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентаций, ценностей политической культуры. Но эти политико-психологические феномены поддаются анализу и с использованием иных методов. Так, например, ***психобиографические*** подходы позволяют не только выяснить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и видеть в отдельном политике модель определенного типа политической культуры. В работе Бетти Глэд об американском политике Ч.

Хьюзе показано, что он был лишь выразителем господствующего в американской элите после первой мировой войны изоляционистского настроения.

Изучение феноменов политического мышления и политического сознания ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии, причем в основном когнитивистского направления. Прежде всего, объектом исследования становятся различные тексты, которые обрабатываются с помощью ***контент-анализа*** различных модификаций. Так, в работе Д. Уинтера, М. Херманн контент-анализу подверглись тексты выступлений Буша и Горбачева для выявления ряда когнитивных характеристик этих политиков. Среди изучаемых компонентов политического мышления были убеждения, понятийная сложность, методы достижения целей и некоторые другие особенности, прежде всего, спонтанных (не написанных заранее) текстов, проанализированные через их сопоставление с аналогичными количественными характеристиками 148 высших политических руководителей из разных стран, культур и периодов. Таким образом, наряду с чисто качественными особенностями, метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, дающие более объективные результаты.

Другим методом, используемым для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является ***метод построения их семантического пространства*** **.** Российский психолог В. Петренко проанализировал политические штампы и клише в лексике новых российских партий. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов.

Исследование личности в политическом процессе начиналось еще в 30-е годы в рамках преимущественно психоаналитической традиции. С этим связан и интерес исследователей, прежде всего, к таким методикам, которые позволяли проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. В одной из первых политико-психологических работ Г. Лассвела материалом для изучения политиков стали их медицинские карты в одном из элитарных санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и т.п. Современные политические психоаналитики продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая ***психологические профили*** представителей данной профессии.

Наряду с этим в политической психологии широко используются ***психологические тесты*** (например, Басса-Дарки, Айзенк, IQ) при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные ***методы дистанционного анализа*** в случае, когда объект недоступен исследователю. В таких случаях изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары о них и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Нередко используется и ***метод экспертных оценок*****,** который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения.

В арсенале исследовательских процедур политической психологии постоянное место занимает и ***метод эксперимента*** **.** Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. В результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Тверски и Канеман доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска. Знаменитые опыты Милгрэма показали, что в случае, когда есть некий "научный" авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результат своих поступков. Недавние эксперименты Ласка и Джадда выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатов, чем это делают непрофессионалы. Обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знаниями о том, что и как те сделали в политике, а исключительно впечатлениями, полученными накануне выборов.

Следует отметить, что помимо собственно исследовательских процедур, в политической психологии используется и широкий набор ***методов коррекционного воздействия*** на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализ и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога предполагает использование методов тренинга, участие в деятельности по паблик рилейшнз, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации.

Говоря об области деятельности профессионального политического психолога, следует отметить, что международное сообщество (ISPP) разработало и предложило своим индивидуальным членам специальный этический кодекс, регламентирующий ряд действий

специалистов в этой области. Так же, как психолог, врач или специалист по организации, политический психолог, занимающийся исследованиями или консультированием, имеет дело с достаточно взрывоопасной информацией. Так, политический консультант не считает себя вправе не только публично обсуждать данные, касающиеся своих клиентов, но даже не раскрывает его имени без разрешения последнего. Существует опасность нанести урон репутации того или иного человека, даже если обсуждение имеет профессиональный характер в научном журнале. Профессиональная община заинтересована, чтобы ее представители четко отделяли свою научную деятельность от участия в практической политике.

2. ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

2.1. Личность в политике

Проблема личности в политике относится к числу "вечных". Она вызывает неизменный интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов. В политической науке, между тем, эта проблема относится к числу наименее исследованных. В профессиональных политологических изданиях число публикаций на эту тему — минимально, что связано с претензиями многих политологов на создание объективной науки, где действие субъективного фактора сведено к минимуму. Личность они выносят за скобки либо потому, что считают ее влияние на политические события минимальным, либо потому, что не владеют качественными методами исследования, позволяющими учитывать уникальные, неповторимые свойства личностей тех, кто делает политику.

В современной политической науке ситуация медленно меняется. Большинство политологов сейчас признают необходимость исследования личностного фактора в ходе политического процесса. Одной из причин поворота политологов к изучению этого феномена стала неспособность институционального политического подхода предсказать те кардинальные перемены, которые произошли в мире после начала перестройки в СССР**.** Многие тогда задавались вопросом: как развивалась бы политика в мире, если бы генеральным секретарем КПСС был избран не Горбачев, а Громыко или Гришин? "Вес" личностных качеств советского лидера в происшедших переменах был столь значителен, что это во многом заставило пересмотреть традиционные подходы к изучению политики.

Для большинства непрофессионалов в области политической науки, именно вокруг личностей тех, кто делает политику, сосредоточен основной интерес к политике. Читающая публика хочет знать биографии тех, кто изменил лицо эпохи. Ее интересуют их стиль и вкусы, семейное окружение и спортивные увлечения. Нам не случайно кажется: поймем политика как человека, — и перед нами откроются скрытые пружины его политического поведения.

Чтобы понять, кто прав: профессионалы или любители, попробуем прежде всего проанализировать, что даст нам понимание личности для проникновения в политические механизмы.

В политической мысли сложились **две традиции в трактовке проблемы личности** . *Первая* из них придает личности решающее значение в определении направления политического процесса. Зачастую сторонники этой позиции просто сводят политику к личности лидеров, вождей, авторитетов. Еще Паскаль сказал, что если бы нос Клеопатры был чуточку короче или чуточку длиннее, то история человечества выглядела бы совершенно иначе.

В русле этой традиции велись дискуссии конца XIX — начала XX века о ***роли личности в истории***, которые хорошо известны благодаря вкладу Толстого, Карлейля, Джеймса, Плеханова и Троцкого. Пожалуй наиболее известная книга этого рода — это работа Сиднея Хука "Герой в истории".

Политическая роль - набор прав и обязанностей, статус, реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Роль личности в истории вообще и в политике в особенности обосновывается сторонниками первого подхода личными достоинствами вождей: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, авторитетом. Как видим, речь идет о том, что личностным качествам придается большее значение, чем собственно политическим позициям того или иного персонажа. В этом же ключе работают и те политические психологи, которые рассматривают не столько достоинства политиков, сколько, напротив, их комплексы в качестве мотива политического участия. Так, американский исследователь Дж. Барбер, следуя за Альфредом Адлером, предлагает компенсаторную концепцию власти. Он полагает, что именно комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, пережитыми политиком на ранних стадиях становления его личности, мобилизует его на достижения, не сравнимые с достижениями его более удачливых сверстников.

Второй подход, напротив, скорее принижает роль личности в политике. Среди сторонников этой точки зрения есть различия. Так политологи позитивистского толка, особенно бихевиористски ориентированные, не возражая против исследования отдельных компонентов личности в политике, не видят смысла в анализе целостной личности как фактора, влияющего на процесс и систему. Так, А. Инкелес, выражая точку зрения многих политических социологов, считает, что индивидуальные особенности "гасят" друг друга в масштабных политических процессах. Есть смысл, поэтому, изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например, распределение политических ролей. Личностью же политолог может пренебречь.

Иную по замыслу, но сходную по сути позицию занимают политологи, которые считают личностный фактор в принципе не значимым по сравнению с факторами социального воздействия на политику. Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют экономические факторы, детерми-нирующие политику. Политологи, стоящие на позициях функционализма, фокусируют исследование на системообразующих составляющих политических партий, организаций, движений. Общее между ними то, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем политологам, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант политики. Они полагают, что если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то зрелая демократическая система должна быть безличным механизмом, который обеспечивал бы человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер сегодня во главе государства. Крайним выражением этой позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и вообще необходимость любой организованной политической деятельности, сводя, тем самым, на нет значение разумной личности в политике. На место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс, приходят массовые инстинкты.

Однако линия водораздела между приведенными выше точками зрения в прошлом проходила по вопросу о личности нерядовой. Основные дискуссии велись вокруг роли политического лидера. Личность рядового гражданина обозначалась, так сказать, во множественном числе, как часть массы. И хотя и сейчас, литература по проблеме личности в политике содержит по-прежнему большое число работ о личностях политиков, их, во многом, вытесняет проблематика, связанная с обычными гражданами. Вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставило перед политической психологией, и политологией в целом, вопрос о том, как личностные особенности влияют на участие в политике.

Помимо выявления "веса" личности в анализе политического процесса в политической психологии ставится и другая важная задача: понять, каково содержание этого взаимодействия, какие тенденции прослеживаются в разных типах политических систем? В истории политической мысли сложились довольно устойчивые комплексы представлений, получившие свою классическую форму в трудах Т. Гоббса, Г. Спенсера, А. де Токвилля, Ж.-Ж. Руссо и других. Одна из моделей взаимоотношения между личностью и политикой описывается в терминах ***"подчинения" личности государству*** . Необходимость такого подчинения личности мотивируется ее природой: неразумной, эгоистической и потому нуждающейся в контроле. Эта точка зрения идет от Т. Гоббса.

Современные политологи вводят новые мотивы, объясняющие необходимость подчиненного положения личности, мотивируя ее управленческими задачами (Д. Белл, С. Липсет, У. Мур), обеспечением устойчивой демократии (Р. Даль, У. Корнхаузер), достижением большего равенства (Дж. Роулз, Г. Гэнс). Однако общим для всех приверженцев данной модели является представление о политическом регулировании как подчинении личности государству, организации, элите, ограничивающим участие рядового гражданина и его роль в политике. При этом сама личность выступает в роли ***пассивного объекта управления*** , нуждающегося в надличностных механизмах, способных обуздать ее несовершенную природу.

Иным представляется характер взаимодействия личности с системой тем политическим психологам, которые следуют за А. Смитом, Г. Спенсером, У. Годвиным, видевших в личном интересе механизм, который приводит в движение и политику. ***Модель "интереса"*** предполагает, что и социальный, и политический порядок возникает как естественный результат сочетания интересов разных людей; поэтому нужна не сила подавления, а рациональное осознание индивидом своих выгод от общих усилий. Важнейшим постулатом в этой традиции является рассмотрение личности как ***активного субъекта политической деятельности*** . Те либеральные и неоконсервативные теоретики, которые используют эту модель, резко негативно относятся к

любым формам коллективности, централизации власти и подчинению ей индивида. Проблемы политического строя, власти и свободы они рассматривают в индивидуалистической перспективе.

"Поведенческая революция" привела к выделению проблемы личности в политике в специальную область в рамках политической психологии. Есть *несколько типов исследований* , представляющих эту область. Во-первых, это так называемые кейс-стадиз (case studies) или ***качественные исследования*** отдельных конкретных случаев, в фокусе которых находятся неповторимые индивидуальности, будь то политик или просто гражданин. Хотя методы, используемые для создания индивидуальных политических портретов, нацелены на раскрытие их уникальных личностных качеств, они отвечают научным критериям. Для этого используются стандартизированные процедуры обработки материалов.

Многие из работ этого типа представляют собой психобиографии политических деятелей. Среди работ психобиографического направления выделяются труды Э. Эриксона о Лютере, Гитлере и Элеоноре Рузвельт, А. Джорджа об американском президенте Вудро Вильсоне, Е. Вольфенстейна о Ганди, Ленине и Троцком. Создана целая галерея портретов, среди которых можно найти практически всех известных мировых политиков: вплоть до Ельцина, Саддама Хусейна и Клинтона. Основная задача кейс-стадиз — дать представление о личности политика, исходя из опыта его первичной социализации и выводя из него внутренние мотивы политических поступков. При этом, описывая жизненный опыт политика, они, как правило, отвлекаются от общей политической ситуации.

Другое направление изучения личности в политике — ***агрегативные исследования*** , напротив, встраивает факты личной биографии политика в исторический контекст самого политического процесса. Такие авторы, как Дж. Кокс, С. Хьюз, М. Блох, Б. Броди, А. Я. Гуревич и другие историки и политологи видят свою задачу не в редукции политических событий к действиям отдельных личностей, но в привнесении личностного компонента как фактора в объяснение исторических событий в политике. Это направление исследует влияние личностных факторов на такие процессы, как войны, революции, национальный характер, политическая культура.

Третье крупное направление представлено ***типологическими исследованиями*** . В них предпринимаются попытки классифицировать политических деятелей в психологических терминах от самых примитивных до сложнейших. Основаниями для классификации служат отдельные психологические особенности политиков, свойства их поведения, мышления, стиля межличностных отношений, принятия решения и т.д. Одной из наиболее известных классификаций является схема Т. Адорно, основанная на понятии авторитарности. М. Рокич предложил в качестве основания для типологии политиков такое качество, как догматизм. Д. Рисман избрал две базовые личностные ориентации: на традицию и на внутренние цели. Г. Лассвел и Дж. Барбер выделяют политические роли. Лассвел предлагает типологию, выделяющую роли "агитатора", "администратора" и "теоретика", а Барбер — "зрителя", "рекламирующего", "сопротивляющегося" и "законодателя".

Обобщая развитие проблематики личности в политике, американский политический психолог Фред Гринстайн предложил *концепцию, определяющую значение личностного фактора в политическом процессе* . Его роль становится особенно важной, во-первых, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом. Во-вторых, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей. В-третьих, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими разные политические решения. По мнению Гринстайна, роль личности в политическом процессе тем больше, чем более среда восприимчива к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе, и чем ярче сила Эго того или иного политика.

Заметим, что сегодня уже не дискутируется вопрос о том, нужны или не нужны исследования личности в политике. Вульгарный психологический редукционизм ранних работ уступил место сбалансированному учету как личностных, так и ситуационных переменных, представленных в мультивариативном подходе.

2.2. Психология власти

Та или иная власть необходима в любом обществе и общества без власти так же неизвестны этнографам, как и общества без семьи или без собственности.

Власть - это право, которым наделен человек в силу своего служебного положения в организации. **Власть харизматическая** - власть, в основе которой лежит святость личности, ее мужество или безупречный образ действий.

Властью называется возможность заставить или убедить других людей действовать определенным образом или по определенным правилам. Властью обладают президент или монарх по отношению к гражданам страны, сержант по отношению к солдату, родители по отношению к ребенку, воспитательница детского сада по отношению к воспитанникам, влюбленные по отношению друг к другу. Чаще всего власть осуществляется в рамках определенных институтов — армии, семьи, государства, — но может существовать и в рамках неформализованных сообществ.

Почти каждый человек обладает властью по отношению к какому-то числу других людей и, одновременно, для каждого из нас существует масса людей, которые могут заставить или убедить нас совершать те или иные поступки, т.е. обладают властью по отношению к нам. При этом, власть, допустим, президента или премьер-министра для рядового человека предстает весьма опосредованной и может вообще не замечаться, в то время, как власть непосредственного начальника на работе безусловно осознается и является фактором, определяющим повседневную жизнь человека.

Однако ничья власть не является абсолютной, она всегда ограничена либо законами и традициями, либо объективными параметрами ситуации. Тиран может отправить на казнь любого из своих подданных, но не может, например, запретить религиозные обряды. Или он способен творить любой произвол в своей столице, но человек, отъехавший от нее на два дня пути, может оказаться уже вне его досягаемости просто в силу отсутствия эффективных коммуникаций.

Конечно, власть, исходящая сверху, распространяется на большее число людей, чем власть тех, кто находится внизу, но сами взаимоотношения между носителем власти и тем, кто ему подчиняется, не зависят непосредственно от места двух этих субъектов на социальной лестнице. Таким образом, было бы неверным считать, что власть сосредоточена на высших этажах общества или государства. Она распределена по всем уровням социальной иерархии. Одни и те же психологические закономерности могут быть обнаружены и в большой политике, и во взаимоотношениях рядовых граждан. При этом где-то обнаруживаются "сгущения" власти — в каких-то структурах кто-то обладает очень большой властью по отношению к другим людям, а где-то — своеобразные "разрежения" — власть, как будто бы, вовсе не существует, никто не подчиняется никому. По крайней мере, носители власти и применяемые ими методы управления не видны ни стороннему наблюдателю, ни, иногда, даже и самим участникам взаимодействия. Примерами первого вида ситуации могут быть двор тирана или подростковая банда, примером ситуации второго типа — сообщество хиппи.

Феномен власти, как и любое явление реальной жизни, не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки. Проблема власти рассматривается в политологии, в юриспруденции, в истории и, конечно, в психологии. *Предметом психологического анализа являются* не властные отношения, как таковые, а скорее, их *субъективные аспекты* — восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т. д.

Субъективный аспект власти - готовность персонала подчиниться распоряжению и содействовать его выполнению.

Но, пожалуй, самый интересный вопрос — это проблема психологических механизмов власти: почему люди готовы принимать одну власть, подчиняться одним людям или правилам, но решительно, иногда — жертвуя жизнью, отвергают другую? Что дает одним людям власть над другими?

Легитимность власти. **Легитимность власти** - степень согласия между управляемыми и управляющими, т.е. согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как управляют.

Власть легитимна, если управляемые признают за управляющими право управлять, вообще, и именно так, как они это делают, в частности. Это признание осознается как управляемыми, так и управляющими. Первым кажутся если не справедливыми и желательными, то, по крайней мере, естественными и сама власть, и связанные с ней институты и ритуалы. Вторые — ждут от управляемых подчинения, а также одобрения их действий по подавлению и осуждению диссидентов, не желающих подчиняться и оказывающих вербальное или действенное сопротивление.

Легитимность — необходимое условие стабильности и эффективности власти. Легко видеть, что это, в первую очередь, психологическое понятие. Никакие ссылки на документы, целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не

станут убедительными для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. Таким образом, легитимность власти — это факт сознания людей.

Индивид или институт обладают легитимной властью в том случае, если те, к кому они обращаются с определенным распоряжением, признают их право отдавать приказы. Если же носитель власти теряет легитимность, то рано или поздно он теряет и саму власть. Современная политическая история дает тому немало примеров — это происходило с режимами Чаушеску, президента Филиппин Маркоса, последнего шаха Ирана и со многими другими. Их падению предшествовала потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушилась под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще были вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия.

Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых —- они перестают признавать право носителей власти на управление. Сами же властные фигуры еще не осознают того, что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими институтами и ритуалами — помазанием на царство, выборами и т.д. Кроме того, существующие системы обратных связей ориентируются, в основном, на регистрацию объективных показателей, таких, например, как уровень преступности, размах забастовочного движения, активность антиправительственных групп. Значительно меньше поддается фиксации динамика массового сознания — усталость граждан от тех или иных лидеров, разочарование в прежних лидерах, энтузиазм по поводу новых пророков или идей. И, наконец, осознание потери легитимности болезненно для носителей власти и они стараются интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе.

Аналогичные процессы происходят и на микроуровне, например, в семье. Так, ребенок в какой-то момент перестает признавать легитимность власти родителей, он уже не считает, что они имеют право распоряжаться в том же объеме, что и раньше. Он, допустим, еще признает их право запрещать ему поздно возвращаться домой, но уже отказывается выполнять их предписания относительно того, как ему следует одеваться. Родители, однако, еще не осознают этого изменения отношений, что неизбежно приводит к конфликтам. Постепенно зона легитимности власти родителей сужается, затем сокращается и сама власть и отношения между родителями и ребенком трансформируются и переходят на новый уровень.

Важным эмпирическим показателем степени легитимности власти является представленность в повседневной жизни средств принуждения. Например, если говорить о легитимности политической власти, то большое число хорошо вооруженных полицейских заставляет предположить, что граждане не считают свою власть легитимной, т.е. не готовы подчиняться ей добровольно. Или, другая возможность, сами носители власти осознают собственную нелегитимность и, поэтому, ожидают сопротивления. Если же средства и институты принуждения не присутствуют ни на улицах, ни, что более важно, в сознании граждан, это свидетельствует о высоком уровне легитимности. Полярными в этом смысле примерами могут служить современная Россия, где вооруженные солдаты на улицах или бронетранспортеры на перекрестках стали привычным явлением, и Великобритания, где полицейские вообще не вооружены, рассчитывая не на силу, а на традиционное уважение к полиции.

Макс Вебер выделял *три вида легитимности* : легатимность, основанную на традиции, легитимность, основанную на праве, и легитимность, основанную на харизме. В *первом* случае в основе власти лежит обычай, властные отношения регулируются традиционно сложившимися установлениями.

Второй случай — господство закона — означает, что люди следуют определенным кодифицированным правилам, признавая именно такое поведение оптимальным для согласования интересов, для разрешения конфликтов и, вообще, для обеспечения социального взаимодействия.

Третий вид легитимности — харизматический — базируется на признании исключительного права именно этого человека или именно этой группы на управление людьми. Характерно, что поскольку легитимность харизматического типа предполагает приписывание носителю власти, индивидуальному или, реже, коллективному, выдающихся свойств, то власть в этом случае крайне редко передается по наследству. Пожалуй, единственным примером успешной передачи власти от лидера харизматического типа его прямому наследнику является Северная Корея, где после смерти Ким Ир Сена все его посты занял его сын Ким Чен Ир. Аналогичные попытки в других странах неизменно заканчивались неудачей. Но и здесь следует иметь в виду, что Ким Ир Сен был не только харизматическим лидером, но и диктатором, и его власть

основывалась не столько на личном авторитете, сколько на эффективной системе террора и тотальном контроле за гражданами.

Харизма не передается по наследству даже и в тех случаях, когда наследуется сама власть. Например, воцарение сына покойного монарха легитимизируется и законами, и обычаями (т.е. присутствует легитимность и первого, и второго типов), но харизма отца, если таковая существовала, не передается автоматически его сыну. Он должен еще доказать, что является не только законным, но и достойным преемником своего великого предшественника. Если ему этого не удастся, то его власть, оставаясь вполне законной, будет, тем не менее, меньше, чем у его отца.

Существует *несколько факторов легитимизации политической власти.* Самым существенным из них является время. Люди привыкают к определенному типу власти, к традиционным ритуалам и атрибутике. Одним из наиболее очевидных примеров того, как время легитимизирует политическую систему, является отношение британцев к институту монархии. Сам факт многовекового существования королевской власти делает ее для многих граждан не только законной, но и единственно возможной для Великобритании. Во всяком случае, до сих пор, несмотря на многочисленные скандалы в королевском семействе, противникам монархии не удается привлечь на свою сторону достаточное число граждан.

Время — длительный срок существования системы — должно быть представлено в сознании граждан. Если вообразить себе какую-либо систему, которая существует очень давно, но о длительности ее существования гражданам ничего не известно, то вряд ли время в этом случае будет эффективным фактором легитимизации. Например, если бы всякое упоминание о династии Романовых было бы в Советском Союзе запрещено, то через несколько поколений память о последних русских царях стерлась бы из сознания людей. Монархическое движение в России имело бы тогда еще меньшую базу, чем сегодня.

Руководители стабильных и эффективных политических систем прилагают большие усилия к тому, чтобы факт длительности существования властных институтов, их освященность временем и традициями осознавалась гражданами. Этой цели служат многочисленные ритуалы, такие, например, как ритуал произнесения тронной речи британского монарха на заседании обеих палат Парламента. Каждый год, уже более семисот лет, король или королева отправляются в сопровождении конной гвардии в Вестминстер. Ни карета, ни форма конвоя за эти столетия практически не изменились. Речь зачитывается в зале Палаты лордов, которые слушают монарха сидя, облаченные в парадные мантии. Члены Палаты общин, при этом, стоят в дверях — ни садиться, ни пройти ближе они не имеют права. Однако реальное распределение власти совершенно не соответствует описанному ритуалу. Все существенные для страны решения принимают именно члены Палаты общин, Палата же лордов имеет чисто символическое значение. Более того, даже сама речь королевы, в действительности, представляет собой послание правительства — текст речи вручается королеве премьером и она, зачитывая речь, не имеет права ни на одну запятую отступить от предложенного ей варианта. Фактически, Ее Величество выступает как диктор, произносящий написанные другими слова. Но весь этот ритуал свято соблюдается, демонстрируя незыблемость не столько власти монарха, сколько всей политической системы Соединенного королевства. Так было, так будет, так должно быть!

Другим фактором обретения легитимности является *успех*. Если власть признается согражданами успешной, эффективной, то она довольно быстро становится и легитимной. Примером может служить политическая история Германии двадцатого столетия. Германия не имеет тех твердых, освященных временем демократических традиций, которые характерны для Великобритании или США. Еще недавно она представляла собой разрозненные княжества, которые объединились лишь в XIX веке. После Первой мировой войны на территории Германии возникла чрезвычайно слабая в политическом отношении Веймарская республика, правительство которой не смогло справиться с многочисленными финансовыми и экономическими проблемами. Веймарскую республику сменил гитлеровский Третий Рейх. Социально-экономическая ситуация существенно улучшилась, власть, несмотря на очевидные всем нарушения законности в период становления новых институтов, стала приобретать легитимность и в глазах населения Германии, и, даже, несмотря на неприятие фашизма, в глазах мирового сообщества. Это ощущение легитимности в немалой степени облегчило Гитлеру и восстановление военной машины, и ведение войны. Характерно, что после разгрома фашистской Германии вопрос о легитимности гитлеровского режима уже не стоял — его незаконность стала очевидной не только победителям, но и самим немцам.

Когда же на территории трех оккупационных зон — американской, британской и французской — была создана Федеративная Республика Германия, ее политические институты, сформированные под патронажем западных союзников и по образцам политических систем

победителей, вначале не обладали вообще никакой легитимностью. Однако феноменальные успехи первого же германского правительства Аденауэра, которое в кратчайшие сроки, буквально подняло Германию из руин, легитимизировали не только само правительство, но и всю политическую систему. И хотя германские политические институты далеко не совершенны, политическая система ФРГ является полностью легитимной. После своего создания она уже, практически, не менялась и вопрос о ее реформировании, в общем, не ставится. В основе легитимности германского государства лежит успех его послевоенной политики.

Легитимность может приобретаться и благодаря естественному или правильному, с точки зрения граждан, способу формирования властных институтов. Для большинства современных развитых стран таким способом являются *выборы*. Там, где люди выбирают власть и наделяют ее определенным полномочиями, этим властям и принимаемым ими законам принято подчиняться. При этом происходит дистанцирование должности от ее носителя, личного авторитета от авторитета должности. Президенту подчиняются не потому, что видят его великим, мудрым и непогрешимым — его могут таковым и не считать, а потому, что он занимает свой пост на законных основаниях. Например, весьма критичное отношение многих американских офицеров к Биллу Клинтону никак не влияет на их готовность безусловно выполнять его приказы — до следующих выборов он остается Верховным главнокомандующим. Люди в демократических странах подчиняются не столько человеку, сколько его посту. Хотя, разумеется, в рамках демократических систем, нельзя полностью абстрагироваться от отношения граждан к личности, занимающей данный пост. Законы и традиции всегда оставляют для человека некоторый выбор — носителю власти подчиняются больше или меньше в зависимости от отношения лично к нему как к лидеру и человеку.

Не меньшую убедительность в глазах многих людей может иметь и *представление о божественном происхождении власти*. В истории человечества есть немало примеров того, как правящие династии или даже захватившие трон узурпаторы стремились обосновать свое право на престол "особыми отношениями" со Всевышним. Египетские фараоны объявлялись живыми богами, многие монархи мусульманского мира ведут свой род непосредственно от Пророка и т.д. Божественной легитимизации королевской власти служит и традиция помазания на царство. Вера в божественный характер существующих институтов, безусловно, является фактором стабилизации политической системы.

*К*онечно, этот последний способ легитимизации эффективен лишь тогда, когда значительная часть населения не просто религиозна, но достаточно серьезно относится к обрядам и ритуалам господствующей религии. Однако сходные механизмы легитимизации можно наблюдать и в рамках светских режимов. Например, в годы перестройки, когда с согласия властей пересмотру подвергалась и история СССР, и принципы, на которых он был построен, руководство КПСС всеми силами защищало от нападок и критики фигуру основателя Советского государства — В. И. Ленина. Вряд ли это можно объяснить сентиментальной привязанностью М. С. Горбачева и его коллег к личности Ленина. Более обоснованным представляется другое объяснение. На протяжении всей истории Советского Союза каждый следующий руководитель страны, в том числе и М. С. Горбачев, объявлял именно себя прямым продолжателем дела Ленина. В последние годы существования Советского Союза, когда Октябрьская революция в сознании граждан перестала быть однозначно положительным и законным событием, право конкретного лидера на власть, фактически, определялось лишь символической близостью к фигуре основателя системы. Именно поэтому не только прямые оскорбления в адрес В. И. Ленина, но и попытки трезвого объективного анализа его деятельности и жизненного пути, которые неизбежно превращали его из непогрешимого бога в человека, представляли опасность для власти.

И, наконец, еще один способ легитимизации — это *ассоциация власти с национальными символами, признание ее народной* , питающейся от исторических корней, убеждение граждан в том, что именно эта власть лучшим и единственно возможным способом учитывает культурную и историческую специфику данного народа и данной страны. Надо сказать, что такой способ легитимизации более характерен для неэффективных и, объективно, опасных для собственного народа режимов. Именно ссылками на национально -культурную специфику оправдываются и отсталость, и бесправие собственного народа, и нежелание проводить необходимые для страны реформы. Национальными символами объявляли самих себя Ким Ир Сен и Саддам Хуссейн, ссылками на российскую специфику обосновывалось крепостное право. Впрочем, демократические режимы также стараются связать себя с национальной символикой и особенностями истории страны. Этой цели служат и исторические романы, в которых герои "предугадывают" именно ту политическую систему, которая сложится в стране через много лет, и

борются за те принципы, которые положены в основу современного государственного устройства, и портреты великих деятелей прошлого на деньгах, и многое другое. В результате, гражданам начинает казаться, что в их стране может существовать только такая власть и не может быть никакой другой.

Легитимность власти с психологической точки зрения представляет собой субъективную законность — сами люди, а не только соответствующие юридические, церковные или международные институты признают право данной власти управлять. Достаточно часто бывает и так, что с юридической точки зрения власть вполне легитимна, все закреплено соответствующими национальными и международными документами, но сами люди эту легитимность не признают. Собственно, именно так происходит каждый раз, когда осуществляется революционная или насильственная смена политического режима.

Суверенитет власти. Не менее важным понятием, характеризующим готовность людей следовать установлениям власти, является понятие суверенитета. **Суверенитет** — право власти управлять именно этой территорией и именно в это время. Важность этого аспекта властных отношений видна при анализе сепаратистских движений, которые обычно не отрицают легитимности власти центра — они лишь не согласны с распространением его власти на их территорию, т. е. отрицают его суверенитет над данным пространством. Примером может служить Страна Басков в Испании — лидеры сепаратистов никак не ставят под сомнение легитимность власти Мадрида вообще, они лишь говорят, что Мадрид не имеет суверенитета над

Страной Басков. Аналогичная ситуация сложилась в Нагорном Карабахе, где карабахцы отнюдь не претендуют на пересмотр всей политической системы Азербайджана, но требуют независимости от этой власти для своей собственной территории.

В некоторых случаях целесообразно говорить о временном суверенитете. Он возникает в особых, чрезвычайных ситуациях, возможно, в результате стихийного бедствия или какого-нибудь социального катаклизма. В этих случаях отдельные структуры аппарата власти, например, Министерство по чрезвычайным ситуациям, могут приобретать огромные полномочия. Эта власть может быть вполне законной и легитимной. Люди готовы будут признавать эту власть, но лишь временно, до устранения тех причин, которые наделили эту структуру необычайно высокими полномочиями — до тех пор, пока не будут устранены последствия стихийного бедствия или пока не будет отменено чрезвычайное положение. Так, нормальный человек не протестует против того, что милиция перекрывает место автомобильной катастрофы и ему приходится идти в обход. Однако он будет протестовать, если проход будет закрыт и после того, как все работы на месте аварии закончены.

Естественно, ситуации возникновения временного суверенитета чреваты конфликтами и разночтениями. Одно должностное лицо может считать ситуацию уже достаточно чрезвычайной для того, чтобы он мог пользоваться особыми полномочиями, другие же должностные лица или рядовые граждане могут и не согласиться с подобной расширительной трактовкой положения дел. Аналогичным образом конфликты могут возникать и по поводу определения момента прекращения временного суверенитета. Ни одна инструкция не может предусмотреть всего многообразия возможных жизненных ситуаций, поэтому и у чиновников, и у граждан остается простор для собственных интерпретаций того, можно ли уже возвращаться к обычному стилю правления или еще рано и власть должна оставаться в руках структур чрезвычайного положения.

Разумеется, легитимность и суверенитет тесно связаны друг с другом. Потеря легитимности неизбежно приводит и к отказу в суверенитете власти над данной территорией. Например, резкое снижение легитимности власти КПСС в конце восьмидесятых годов повлекло за собой и потерю суверенитета Москвы над союзными республиками, а затем и сомнения по поводу суверенитета центра и над некоторыми национальными регионами в самой России. Аналогичные процессы можно проследить и на примере Ливана. Несколько десятилетий назад Ливан представлял собой стабильную и экономически благополучную страну, политическая система которой была построена по конфессиональному признаку. Власть распределялась между двумя основными религиозными группами — христианами и мусульманами, причем, это распределение было закреплено в Конституции страны. Устанавливалось, что Президентом должен быть христианин-маронит, премьер-министром — мусульманин-шиит и т.д. В период написания Конституции такое распределение более или менее соответствовало реальному раскладу сил и влияний внутри ливанского общества. В дальнейшем из-за разного уровня рождаемости у мусульман и христиан, а также в силу воздействия ряда других факторов социально-демографическая структура ливанского общества и реальный вес в нем различных конфессий изменились. Власть политически доминировавшей христианской общины перестала

восприниматься как легитимная. Попытки пересмотра политической системы завершились многолетней гражданской войной. Потеря ощущения легитимности привела к потере суверенитета Бейрута над территорией страны. Власть на местах захватили мелкие феодальные армии и вооруженные группировки, и единая некогда страна оказалась расколотой на несколько частей. Конечно, война в Ливане имела множественную детерминацию, расколу республики способствовали и экономические факторы, и положение в ближневосточном регионе, особенно — арабо-израильские войны, и многое другое. Однако роль психологического компонента — изменение отношения людей к государственным институтам ни в коей мере нельзя недооценивать. Люди не выступают против того, что считают справедливым и законным.

2.3. Психология лидерства

С незапамятных времен человечество познало только *три способа выдвижения лидеров*, вождей, руководителей:

1. Борьба за лидерские позиции в иерархии, которая предполагает фактически насильственные способы их достижения;
2. Упорядоченное наследование по признакам родства, старшинства, святости, преемственности;
3. Выборы по законам демократии, древней и примитивной, или же современной, сложной и изощренной.

Проблема политического лидерства — одна из центральных проблем современной политической психологии. Ключевой вопрос здесь — какие психологические механизмы побуждают или заставляют людей признавать в одном человеке лидера, а другому — отказывать в праве, привилегии и ответственности на такое признание?

В качестве основы изучения проблемы лидерства в отечественной политической психологии был взят деятельностный подход, предложенный А. Н. Леонтьевым. Главной детерминантой процесса лидерства, согласно этому подходу, являются цели и задачи, стоящие перед группой, от которых зависит, кто станет лидером и какой стиль лидерства окажется наиболее эффективным.

Специфика понимания лидерства в отечественной социальной психологии хорошо видна при анализе и сравнении двух феноменов — лидерства и руководства. Было принято разводить эти понятия. Под лидерством обычно имели в виду характеристику психологических отношений, возникающих в группе "по вертикали", то есть с точки зрения отношений доминирования и подчинения. Понятие же "руководство" относится к организации деятельности группы, к процессу управления ею. Выделяемые различия между этими понятиями наиболее полно отражены в работе Б.Д. Парыгина "Основы социально-психологической теории".

1. Лидер, в основном, призван осуществлять регуляцию межличностных отношений в группе, в то время как руководитель осуществляет организацию официальных отношений группы как некоторой социальной организации.
2. Лидерство можно констатировать в условиях микросреды (каковой и является малая группа), а руководство— элемент макросреды, т. е. оно связано со всей системой общественных отношений.
3. Лидерство возникает стихийно, а руководитель всякой реальной социальной группы либо назначается, либо избирается. Этот процесс не является стихийным, а, напротив, целенаправленным, осуществляемым под *контролем* различных элементов социальной структуры.

Сфера контроля - широта области жизненного пространства и деятельности, которую политический лидер ищет для своего влияния.

4. Явление лидерства менее стабильно, выдвижение лидера в большой степени зависит от настроения в группе, в то время как руководитель — явление более стабильное.
5. Руководство подчиненными, в отличие от лидерства, обладает гораздо более определенной системой различных санкций, которых в руках лидера нет.
6. Процесс принятия решения руководителем значительно более сложен и опосредован множеством различных обстоятельств и соображений, не обязательно коренящихся в данной группе, в то время как лидер принимает более непосредственные решения, касающиеся групповой деятельности.
7. Сфера деятельности лидера — в основном малая группа, к которой он *принадлежит* , где он и является лидером, сфера действия руководителя шире, поскольку он "представляет" малую группу в более широкой социальной системе.

С течением времени интерес ученых к проблеме лидерства заставляет их переосмыслить этот феномен. Так, в начале 80-х годов "Философский энциклопедический словарь" (1983) дает

следующее определение лидерства: "Лидер — член группы, который в значимых ситуациях способен оказывать существенное влияние на поведение остальных участников".

"Психологический словарь" (1983) дает такое определение феномена лидерства: "Лидерство — один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. объединяет, направляет действия всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия. Частично перекрываясь понятиями "управление", "руководство", лидерство характеризует вместе с тем и специфическую форму отношений в группе или организации."

Это направление в понимании лидерства и руководства в дальнейшем углубляется и к рубежу 90-х годов может считаться утвердившимся. Определения, даваемые в энциклопедических изданиях этих годов, почти совпадают друг с другом и выглядят следующим образом:

Лидер - член группы, за которым она признает право принимать решения в значимых для нее ситуациях, т.е. наиболее авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе.

Руководитель - лицо, на которое официально возложены функции управления коллективом и организации его деятельности.

Принимая это во внимание, позиция Б. Д. Парыгина вполне объяснима: главой государства действительно являлся руководитель, назначаемый на этот пост. И лишь демократические преобразования позволили нам частично выйти на уровень демократических государств, проведя выборы президентов республик, а теперь уже суверенных государств, тем самым признавая существование феномена политического лидерства на государственном уровне. Поэтому, сейчас, как нельзя более актуально, встает проблема именно политического лидерства.

Если говорить о развитии проблемы лидерства в американской политической психологии, то вся история этого государства представляет собой историю деятельности политических лидеров.

В западной политико-психологической и социально-психологической литературе понятие лидерства и различные его концепции возникли изначально на базе эмпирических исследований малых групп. Однако, хотя трактовка явления лидерства и понимание его причин и механизмов проделали значительную эволюцию, до сих пор, ни в социальной психологии, где лидерство рассматривается преимущественно в контексте малых групп, ни в политической психологии, где под лидером понимается политический деятель и где анализ ведется на уровне больших социальных групп, однозначного понимания этого феномена нет. Каждый исследователь, определяя лидерство, делает акцент на какой-либо аспект этой проблемы.

Существуют несколько основных групп теорий политического лидерства.

Теории черт, или теории "великого человека", или харизматические теории лидерства представляют собой несколько ранних учений, возникших под влиянием исследования Ф. Гальтона, пытающегося объяснить лидерство на основе наследственности. В рамках этого направления были предприняты исследования царских династий различных наций, анализ браков между правителями и т. д. Основной идеей данного подхода было убеждение в том, что если лидер обладает качествами (передающимися по наследству), отличными от его последователей, то эти качества можно выделить. Однако быстро выяснилось, что задача составления перечня таких черт нерешаема.

Разочарование в этой теории привело к тому, что на смену ей пришли ***ситуативные теории лидерства*** , считающие, что появление лидера есть результат места, времени и обстоятельств. То есть, в различных конкретных ситуациях групповой жизни выделяются отдельные члены группы, которые превосходят других, по крайней мере, в каком-то одном качестве, но поскольку именно это качество и оказывается необходимым в данной ситуации, человек, им обладающий, становится лидером.

Для снятия возможных возражений в том, что теория рассматривает личность лидера как марионетку, Э. Хартли предложил модификацию теории. Он предположил, что, во-первых, если человек становится лидером в одной ситуации, не исключено, что он им станет и в другой ситуации; во-вторых, в результате стереотипного восприятия лидеры в одной ситуации рассматриваются группой как "лидеры вообще"; в-третьих, став лидером в определенной ситуации, человек приобретает авторитет, который способствует его избранию и в следующий раз; в-четвертых, лидером чаще выбирают человека, имеющего мотивацию к достижению этой позиции.

Однако такая размытая формулировка не сняла проблемы односторонности теории. Два крайних варианта породили третий, более или менее компромиссный вариант, — ***личностно-***

ситуативные теории. В частности, в 1952 г. Г. Герт и С. Милз выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства:

1) черты и мотивы лидера как человека;

2) образы лидера и мотивы следовать за ним, которые существуют у последователей;

3) характеристики роли лидера;

4) институциональный контекст, т. е. те официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены.

Р. Стогдилл и К. Шатл предложили изучать лидерство с точки зрения статуса, взаимодействия, восприятия и поведения индивидов по отношению к другим членам группы. Таким образом, лидерство стало рассматриваться как отношение между людьми, а не как характеристика отдельного индивида.

Следуя этой традиции, Р. Кеттел предложил рассматривать лидерство как динамическое взаимодействие между целями лидера и целями и потребностями последователей, где функцией лидера является способствование выбору и достижению групповых целей. В этой традиции работали также американские психологи Э. Холландер, Дж. Джулиан и др.

На современном этапе развития политико-психологической науки практически все исследования в области проблематики политического лидерства можно отнести к ситуативно-личностным теориям, поскольку уже ни у кого не вызывает сомнения необходимость учета обоих факторов.

Однако кроме перечисленных традиций изучения лидерства необходимо упомянуть и о некоторых школах, которые внесли весомый вклад в изучение этой проблемы. Это ***теории ожидания-взаимодействия*** , наиболее яркими представителями которых являются Дж. Хоманс, Дж. Хемфилл, Р. Стогдилл, С. Эванс, Ф. Фидлер и др. Этой школе принадлежит попытка создания операциональной модели лидерства. В частности, Ф. Фидлер предлагает "вероятностную модель эффективности лидерства", которая ставит акцент на интеграции влияния стилей лидерства (характеризующих личностные свойства лидера) и ситуативных переменных (включающих отношения между лидером и последователями, структуру задачи, позицию власти лидера). Суть теории заключается в утверждении, что эффективность группы носит вероятностный характер в зависимости от соответствия стиля лидерства конкретной ситуации. Ф. Фидлер выделяет *два* возможных ***стиля лидерства*** : ориентация на задачу и ориентация на межличностные отношения, иначе говоря, инструментальное и эмоциональное лидерство. По мнению автора, стиль лидерства соотносится с ситуативными переменными (причем каждая переменная получает строгое количественное выражение) следующим образом:

1. Для лидера более благоприятна ситуация, в которой он имеет сильную власть.

2. Существование только одного способа достижения цели благоприятствует лидеру.

3. Личные хорошие отношения с последователями благоприятны для лидера.

Наиболее благоприятная ситуация для лидера включает хорошие отношения с последователями, хорошо структурированную задачу, сильную позицию лидера. Из этой предпосылки Ф. Фидлер делает вывод, что ориентированный на задачу лидер более эффективен, когда ситуация либо очень благоприятна, либо очень неблагоприятна для него. А ориентированный на межличностные отношения лидер более эффективен в ситуациях только умеренно благоприятных или умеренно неблагоприятных.

С нашей точки зрения, вряд ли инструментальное мастерство в чистом виде можно считать успешным в политической жизни. Так, например, свое поражение в предвыборной кампании 1960 г. Р. Никсон объяснил, прежде всего, чрезмерным акцентом на своей программе и недооценкой значения для электората своего имиджа, и эту ошибку он не повторил в 1968 г.

Кроме указанных направлений исследования лидерства, широкое распространение получила ***мотивационная теория лидерства*** , представителями которой являются С. Митчел, С. Эванс и др. В данной концепции эффективность лидера рассматривается в зависимости от его воздействия на мотивацию последователей, их способность к продуктивному выполнению задания и удовлетворение, испытываемое ими в процессе работы. Поведение лидера является мотивирующим в той степени, в которой оно увеличивает вероятность достижения последователями целей и разъясняет способы этого достижения.

Теория предполагает определенную *структуру лидерского процесса* , включающую:

1. *Типы лидерского поведения* :

- поддерживающее лидерство (дружеские отношения с последователями, интерес к их потребностям и статус);

- директивное лидерство (регламентирующее и контролирующее действия последователей);

- разделенное лидерство (консультирование с последователями);

- лидерство, ориентированное на достижение (акцент на качественный результат).

Различные типы поведения могут быть использованы одним и тем же лидером в различных ситуациях.

2. *Установки и поведение последователей* , включающие удовлетворение или неудовлетворение работой, одобрение или неодобрение лидера, мотивацию поведения.

3. *Ситуативные факторы*: индивидуальные черты последователей; фактор окружающей среды (поставленная задача, система власти в группе и т. д.).

Фактор окружающей среды выполняет три функции, от которых зависит влияние лидера на мотивацию последователей:

1) функция мотивации последователей на выполнение операций по решению поставленной задачи;

2) функция стабилизации поведения ведомых;

3) функция вознаграждения за решение задачи.

Теория позволяет не только предполагать, какой стиль наиболее эффективен в данной ситуации, но и объяснять, почему.

Заметное место среди исследований проблемы лидерства занимают ***теории обмена и трансактного анализа*** , представителями которых являются Э. Берн, Дж. Хоманс, Дж. Марч, Г. Саймон, Дж. Тибо, Г. Келли, К. Джорджен. Этот подход рассматривает лидера как чувствующего потребности и желания своих последователей и предлагающего им способы их осуществления. Согласно этой точке зрения, акцент делается на процессе взаимодействия лидера и последователей.

Например, по мнению многих исследователей и политических деятелей, Ф. Рузвельт был тем лидером, которому можно доверить решение проблем, волнующих людей. Он пользовался доверием у американцев, и это был тот фактор, который объяснял сохраняющуюся поддержку населения при изменении администрацией своих программ и политики. После смерти Ф. Рузвельта многие люди говорили, что они никогда его не встречали, но чувствуют, что потеряли самого близкого друга.

И, наконец, ***атрибутивные теории*** рассматривают лидера как своего рода марионетку, получающую прямые указания и власть от своих последователей, которые приводят его в движение как кукольник свою куклу.

Население каждой страны имеет определенные прототипы политического лидера, формирующиеся в процессе развития политической культуры общества. С одной стороны, это стихийный процесс, являющийся творчеством масс. С другой, — это процесс целенаправленного воздействия на массовое сознание со стороны различных политических сил через средства массовой информации. И очень часто характеристики телевизионных героев проецируются на политических "героев".

Данная точка зрения предполагает, что лидер отражает цели группы и действует от ее имени. Таким образом, для понимания лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях последователей.

Различное понимание феномена имеет причины в том, что исследователи политического лидерства рассматривают его с различных позиций. Однако большинство исследователей понимают этот феномен как взаимодействие лидера и его последователей. Также взаимодействие может быть рассмотрено либо при акценте на активности лидера, либо при акценте на активность последователей, либо как результат двустороннего влияния.

Нетрудно заметить,что все вышеперечисленные подходы по-своему правы и отражают какой-то аспект данной проблемы. Но, по-видимому, для понимания комплексного феномена политического лидерства необходим учет различных типов переменных, в совокупности определяющих природу лидерства в каждый конкретный момент времени.

Переменными, которые необходимо учитывать при объяснении данного феномена, являются:

- личность лидера, его происхождение, процесс социализации и способы выдвижения;
- характеристики последователей;
- отношения между лидером и последователями;
- контекст, в котором лидерство имеет место.

Расширим предложенную схему и определим, что мы имеем в виду под каждым из упомянутых четырех блоков:

I. Рассмотрение личности политического лидера предполагает анализ его:

представлений о себе самом или Я-концепции;

мотивов и потребностей, влияющих на политическое поведение;

системы важнейших политических убеждений;
стиля принятия политических решений;
стиля межличностных отношений;
устойчивости к стрессу;
поведения лидера;
биографический анализ;
анализ эволюции его политической деятельности.

II. Анализ характеристик последователей включает в себя рассмотрение их:
потребностно-мотивационной сферы;
эмоциональной сферы;
процессов познания и восприятия;
типологических особенностей последователей, то есть национального характера, архетипов, ориентации, установок;
социально-психологических особенностей;
представлений, ценностей, идеологии, самооценки общества, прототипов политического лидера, системы убеждений, то есть образований, в которых сильно выражен ситуативный компонент;
структурных особенностей, существующих в среде последователей, включающий их организацию;
поведения последователей, включающее обратную связь и самостоятельную активность.

III. Анализ отношений между лидером и последователями , включающий:
построение имиджа со стороны лидера;
восприятие, переработку информации и обратную связь со стороны последователей;
рассмотрение результата взаимодействия между лидером и ведомым в определенных ситуациях.

Надо иметь в виду, что в процессе взаимодействия с последователями лидер выступает не только как субъект, но и как объект влияния.

IV. Анализ контекста, в котором лидерство имеет место. Лидерство как процесс невозможно выделить из той социальной, политической, экономической обстановки, в которой оно протекает. Поэтому, для окончательной характеристики феномена лидерства, необходимо выделить те аспекты окружения, которые оказывают влияние на процесс лидерства или испытывают обратное влияние.

Описывая в общих чертах проблему контекста, мы обозначаем возможные точки соприкосновения политической психологии, в рамках которой мы исследуем проблему лидерства, и других дисциплин, так или иначе затрагивающих этот вопрос (география, демография, экономика, социология, культурная антропология и т.п.).

При таком рассмотрении процесса политического лидерства на первый план выступают отношения лидера с последователями, что является важной детерминантой этого процесса. Не случайно поэтому некоторые авторы считают отношения "лидер — последователи" доминирующим фактором, определяющим лидерство. Например, М. Эдельман считает, что лидерство определяется специфической ситуацией и проявляется в ответе последователей на действия и обращения лидера. Если они отвечают благосклонно, следуют за ними, то это лидерство, если нет, — то это лидерством назвать нельзя. Выбор лидера узко предписан требованиями последователей и никакой набор индивидуальных черт не способствует лидерству, хотя специфические черты могут быть полезны в особых ситуациях. Лидерство— это комплексная и тонкая вещь, и мы учимся искать динамику лидерства в ответах масс, а не в статических характеристиках индивида.

Итак, мы определили, что мы имеем в виду под феноменом лидерства вообще и политического лидерства, в частности. Чтобы довести наш анализ до логического конца, необходимо указать на то, какого рода политические деятели попадают под наше определение этого процесса и что мы имеем в виду, говоря о последователях конкретного политического лидера. В этом вопросе мы разделяем подход Г. Пэйджа, который считает, что "политическое лидерство — это поведение людей, находящихся в позиции власти, их соперников, их взаимодействия с остальными членами общества".

Политическое лидерство означает не только поведение людей, находящихся на высших ступенях власти, но и тех, кто находится на среднем и более низком уровне; не только монархов, президентов и премьеров, но и губернаторов, мэров, лидеров партийных организаций и т. д. Под политическим лидерством имеется в виду не только лидерство отдельных личностей, но и "коллективное лидерство" и взаимодействие лидера со своими последователями как единое

образование. Это означает существование лидерства в определенном типе общественных институтов (например, партии, законодательной власти, оппозиции, бюрократии) или в политических процессах (например, в процессах принятия политических решений, выборов).

3. ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

3.1. Психология диктатуры

Большая часть известных человечеству режимов были диктаторскими. Конечно, крайне редко это была полновластная диктатура одного человека. Чаще всего, даже в условиях формально ничем не ограниченной власти тирана, существует правящая олигархия, с интересами которой он должен считаться. Однако возможность для сколько-нибудь широкого слоя управляемых влиять на управляющих, а тем более — выбирать их, до самого недавнего времени встречалась крайне редко.

Но и в двадцатом веке, когда идеи демократического устройства получили широкое распространение, вошли в конституции многих государств и в основополагающие международные документы, диктатуры продолжают существовать. Более того, во многих странах диктатуры, пусть и на не очень продолжительные сроки, сменяют демократию. Так было в Германии, Греции, Бразилии, Чили и других государствах. В некоторых странах диктатуры существовали на протяжении нескольких поколений, и люди начинали сомневаться в том, что в их стране демократия вообще возможна. Так было в Советском Союзе и в Португалии.

Диктатор всегда приходит как избавитель, как защитник простого человека от врагов и от хаоса. Но ни одной диктатуре не удалось выполнить свои обещания — обеспечить людям высокий уровень жизни, стабильность и безопасность. Успехи всегда оказывались сугубо временными, а расплата, если у диктаторов не хватало разума и ответственности вовремя уступить, — страшной. Гитлер построил дороги и дал немцам работу, но кончилось это военным поражением и разделом страны. Португалия после пятидесятилетнего правления профашистского режима оказалась самой бедной страной Западной Европы. В Северной Корее, Эфиопии, Ираке и на Филиппинах диктатуры приносили нищету и кровь. Почему же до сих пор люди верят диктаторам, поддерживают их и даже погибают за них?

Диктатуры бывают разными. Некоторые из них ограничивают политические права граждан, не вмешиваясь в экономику или религию. Кому-то из диктаторов удается править, если и не бескровно, то, по крайней мере, без массовых репрессий. Но есть диктатуры тоталитарные. Психологическая база подобных диктатур представляет наибольший интерес.

Тоталитарная диктатура - диктатура, стремящаяся к полному контролю всех аспектов жизни человека и общества, приносящая в жертву своим целям миллионы жизней, не останавливающаяся ни перед какими преступлениями.

Эмоциональная поддержка диктатуры. Стабильной может быть только та власть, которая устраивает людей, которая что-то им дает, или про которую они думают, что она им что-то дает. Это что-то может быть материальным — например, высокий жизненный уровень, это может быть ощущение защищенности или вера в справедливость социального устройства. Это может быть радость от принадлежности чему-то светлому, могущественному и прекрасному.

Идеальных обществ не существует. Однако замечание У.Черчилля о том, что демократия, хоть и ужасна, является лучшей из всех возможных форм правления, по-видимому, разделяется большинством наших современников. По крайней мере, даже критически относящиеся к своим правительствам англичане или американцы очень редко предлагают установить вместо существующей и разочаровавшей их системы другую, основанную на принципах, апробированных в коммунистическом Китае или в Германии времен нацизма. Стабильность демократических государств имеет не только экономическую или историческую, но и психологическую природу — люди, несмотря на высокий уровень критицизма, согласны с существованием этой системы, согласны с тем, что при всех своих недостатках она выражает и защищает их материальные и духовные интересы лучше, чем могла бы выражать система, построенная на других началах.

По-видимому, такое же, если не большее, доверие к государству существует и в рамках диктатуры. Лидеры диктаторских режимов прекрасно понимают, насколько важно, чтобы граждане верили, что государство выражает именно их интересы. А поскольку, на самом деле, хотя бы в силу отсутствия эффективных обратных связей и неизбежно более высокой, чем в демократических странах, коррупции, диктаторская власть не выражает интересы людей, для поддержания ощущения единства власти и народа необходимо содержать огромный и дорогостоящий идеологический аппарат. Задача этого аппарата — внедрять в сознание людей иллюзорную, искаженную картину мира, в которой государство и люди составляют единое целое

и потому, даже сам вопрос о возможности поиска другой, более эффективной системы правления, свидетельствует о злонамеренности или неадекватности того, кто этот вопрос задает. Чем более жесткой и экономически неэффективной является диктатура, тем больше сил и средств тратится на регулярное и обязательное промывание мозгов, которое начинается с детского сада, а заканчивается лишь после смерти или после ареста. Диктаторское государство почти не беспокоится о лояльности обреченных на гибель заключенных — по крайней мере, в лагерях, без которых не обходится ни одна диктатура, интенсивность идеологической проработки всегда существенно ниже, чем на воле.

Уровень пропагандистского давления в диктаторских странах столь высок, что, вопреки очевидности, многие люди считают государство своим, заботящимся об их интересах и защищающим их от врагов и опасностей. Успеху пропаганды способствуют и прямая ложь об ужасах жизни в демократических странах, и сусальные рассказы о скромности и тяжелой работе вождей. Посмотреть своими глазами на мир за пределами священных рубежей или на жизнь внутри заборов охраняемых государственных резиденций для подданного диктаторской системы одинаково невозможно. Контроль за информацией и передвижениями является необходимым условием выживания диктатуры.

Цель пропагандистского воздействия —- согласие, достижение легитимности диктатуры. Однако только согласия подданных для диктаторского режима недостаточно. Согласие — когнитивная конструкция. Для его достижения или для преодоления несогласия нужно обращаться к разуму человека, приводить аргументы и контраргументы, рассматривать доводы реальных или воображаемых оппонентов. Даже если пропаганда основана на лжи, она стремится принимать рациональные формы, создавая иногда целые научные дисциплины, единственная цель которых — подтвердить нужную властям картину мира. Но поскольку диктатура по сути своей не просто безразлична к человеку, но глубоко ему враждебна, то такой рациональный или псевдорациональный анализ рано или поздно может привести к пониманию реальности, а значит, и к разочарованию в базовых постулатах режима и крайне нежелательным для него выводам.

Поэтому стабильность диктаторского режима подкрепляется еще одним психологическим механизмом, не обязательным для демократий — эмоциональным. Само государство и те, кто его персонифицируют, становятся объектами чувства любви. Интересно, что если слово любовь, практически, чуждо политическому словарю демократических стран, то в условиях диктатуры оно одно из самых распространенных. Например, в СССР "любимой и родной" была не только Родина, но и вожди, в том числе, и местные, правительство, любой государственный институт, например, армия или школа, и, разумеется, партия как ум, честь и совесть. По отношении к своему Отечеству подобные эпитеты используются во многих странах.

Диктатура нуждается в значительно большей психологической поддержке граждан, чем демократия. Президента демократической страны могут не любить, могут смеяться над ним, но система будет оставаться стабильной и эффективной. Рациональные механизмы, заложенные в ее основу, не требуют сильного аффективного подкрепления. Диктатура же, существование которой полностью противоречит интересам подданных, не может выжить без любви и священного трепета — только влюбленный может не замечать бьющих в глаза пороков своей избранницы. Диктатор, на которого рисуют карикатуры, обречен.

Понимание того, что режим стоит не только на страхе перед террором и уж никак не на уважении граждан к законности и правопорядку, а на иррациональных аффектах, во многом определяет внутреннюю политику диктаторских режимов. Любое государство стремится, в известных пределах, контролировать поведение граждан. Даже следящая за скоростью на дорогах милиция — одно из проявлений такого контроля. Но диктатура стремится контролировать чувства, наказывая людей за неправильные эмоции и поощряя за правильные. Правильные чувства подданных — любовь, восхищение, благодарность — дают диктаторам ощущение безопасности. Их уже не страшит революция — лишь дворцовый переворот. Они могут не так бояться террористов — преданные им подданные закроют их своими телами. И потому правильные эмоции являются делом государственной важности.

Номенклатура обязательных чувств выходит далеко за рамки безграничной любви к государству и ненависти к врагам. Кроме обязательных политических предпочтений, диктатуры предписывают человеку, какая музыка должна ему нравиться, какие литературные произведения должны вызывать восхищение, а какие — справедливый гнев. Центральный Комитет КПСС, например, одновременно выполнявший функции Парламента, Правительства и Верховного Суда, не только рассматривал весь комплекс проблем государственного управления, но и издавал специальные постановления, направленные на наведение порядка в отечественном искусстве, а руководители партии лично давали указания скульпторам и музыкантам.

В наиболее жестких диктатурах контроль за чувствами является чуть ли не основным делом органов безопасности. В нашей стране, например, масса людей была репрессирована за описки, оговорки или за разбитый портрет вождя. Вряд ли деятели НКВД читали фрейдовскую "Психопатологию обыденной жизни", но интерпретировали действия сограждан именно в этом направлении. Разбил, значит желает смерти или, как минимум, не любит. А раз не любит, значит, враг. Мог ли этот "враг", проживавший в глухой деревне за тысячи километров от Москвы, причинить реальный вред товарищу Сталину, значения не имело. Аналогичные факты есть и в истории других диктатур. Гитлеровские юристы, например, объявили любовь к фюреру юридической категорией. Следовательно, те, кто фюрера не любили или по поводу кого можно было бы предположить, что они его не любят, нарушали закон — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Зафиксированы даже случаи репрессий за "неправильные" сновидения. Женщине приснилось, что она была в постели с маршалом Ворошиловым, одним из высших чинов сталинского государства. Она рассказала об этом удивительном сне соседке, та — "кому следует". Вечером женщину арестовали.

Крайне негативное отношение к любви и сексу, характерное для всех почти диктаторских режимов, тоже связано с попыткой тотального контроля за чувствами. Любовь между мужчиной и женщиной или родительская любовь, предполагающие, что интересы любимого человека в какой-то момент могут быть поставлены выше всего остального, — чувство, враждебное диктаторскому государству. Именно оно должно было быть единственным объектом страстной любви, все остальные отношения допускаются лишь в той степени, в какой они не мешают этому главному чувству. Не случайно одним из главных героев официального советского эпоса стал Павлик Морозов — ребенок, который донес на собственного отца.

Что же касается секса, то диктаторская власть никак не может легитимизировать его. Идеальный человек, прославляемый официальным искусством диктатуры, сексуальных устремлений не имеет, как, впрочем, не имеет и пола, как такового. Теоретики советской педагогики, например, вполне серьезно говорили об "учащихся шестого класса" или о "детях пионерского возраста", умудряясь ни в одном из учебников не упомянуть, что речь идет о мальчиках и девочках, закономерности физиологического и социального созревания которых весьма различны. Викторианская мораль в двадцатом столетии была не просто данью лицемерию и ограниченности вождей. Тоталитарная власть не может смириться с неподконтрольностью — сексуальные партнеры сами выбирают друг друга, радость, которую они друг другу доставляют, тоже зависит только от них самих. А значит, секс следует либо уничтожить, что не удается в жизни, но зато блестяще получается на страницах высочайше одобряемых романов, либо подчинить государству, как об этом писали авторы антиутопий. Например, жена главного героя романа Орвелла "1984" называла секс "нашим долгом перед партией" — он необходим для воспроизводства населения, но удовольствия настоящему члену партии не доставляет. Герои замятинского "Мы" получали секс как награду от государства, которое указывало им их сегодняшнего партнера.

Диктаторское государство, основанное на лжи и насилии, стабильно и могущественно потому, что люди его искренне поддерживают. Этот вывод крайне неприятен для тех, кто в разных странах, переживших диктатуру, хотел бы снять со своего народа ответственность за все происходившее, представив годы диктатуры как непрерывный акт насилия. Но, если люди — лишь невинные жертвы, если у них не было сил сопротивляться, это значит, что они не смогут предотвратить и будущие катастрофы и, вообще, не способны отвечать за собственную судьбу. Вряд ли эта позиция конструктивна. Более целесообразным представляется не отрицать факта эмоциональной поддержки диктаторской власти, а попытаться понять причины и механизм этой поддержки.

Конечно, диктаторская власть не может рассчитывать только на любовь подданных. Надо, чтобы люди не только любили, но и боялись. Поэтому репрессивный аппарат диктатуры никогда не простаивает, выявляя не столько тех, кто против режима — они все уже давно обезврежены, — но тех, кто мог бы быть против. Одновременно осуществляется широкомасштабный подкуп тех, кто служил власти. Это не так трудно сделать даже в абсолютно нищей стране, лишь бы государство имело монополию на распределение всего и вся. Людям ведь не так важно жить хорошо, как жить лучше других.

К примеру, в советском обществе сложная система всевозможных привилегий была заложена еще при Ленине и с тех пор только расширялась, разделяя людей на категории. Каждый, причастный к власти, даже уборщица, работавшая в здании райкома партии, или шофер из обкомовского гаража, что-то имел — особую поликлинику, более дешевые продукты, возможность без очереди приобрести билеты на поезд. В стране, где слово "купить" было

анахронизмом и оказалось вытесненным более адекватным реальности — "достать", все это было исключительно важным. А на более высоком уровне начинались привилегии не столько материальные, сколько психологические, являющиеся символом принадлежности к высшей власти. Например, дача, точно такая же, как и у чиновника рангом ниже, но расположенная в более "закрытом" поселке. Или кабинет, такой же, как раньше, но на другом этаже или с персональным туалетом.

Однако сколь широко ни были бы распространены системы привилегий, большинство тех, кто поддерживает режим, не может быть ими охвачено. Они не получают от диктатора ничего, кроме нищеты и страданий. Их любовь к диктаторскому государству выглядит патологией и дает некоторым исследователям основания говорить об особом человеческом типе, который и является психологической базой диктатуры и в иных, демократических условиях жить не способен.

Идея специфического социально-психологического типа, который соответствует политическому режиму диктатуры, нашла воплощение в концепциях как противников диктатуры, так и ее апологетов. Примером концепции противников диктатуры может быть модель авторитарной личности Теодора Адорно. Положительное отношение к диктатуре содержится в идеологии "человека власти" Э. Шпрангера, "солдаткости" А. Боймлера, "рабочего" Э. Юнгера, "нордического человека" А. Розенберга.

Применительно к диктатуре в нашем отечественном варианте тезис об особом советском человеке, кардинально отличающемся от всех, населявших землю ранее, выдвигался и критиками системы, и ее сторонниками. На официальном уровне комплекс присущих советскому человеку нравственных и социально-психологических характеристик был закреплен в "Моральном кодексе строителя коммунизма", принятом КПСС еще во времена Н.С. Хрущева. Интересно, что диссиденты, говоря о советском человеке как о порождении тоталитарной системы, описывали примерно ту же феноменологию, что и авторы "Морального кодекса", давая ей, естественно, диаметрально противоположные оценки. То, что, по замыслу авторов официальной версии советского человека, должно было восхищать и служить примером для подражания, у противников режима вызывало гнев или презрение.

Действительно, создание нового человека в документах коммунистической партии было объявлено приоритетной целью партийной политики. Ни экономика, ни расширение территории не интересовали основателей новой системы так, как человеческая душа. В первые годы советской власти они возлагали определенные надежды на психоанализ и различные варианты соединения психологии с марксизмом. Потом, разочаровавшись в науке и в ученых, обратились к методам более понятным — тотальный контроль за каждым подданным, репрессии, школа, максимально приближенная по духу к армии. Сама армия провозглашалась школой жизни. Она была институтом не столько военным, сколько идеологическим, озабоченным выработкой "правильных" взглядов на жизнь и систему ценностей авторитаризма. До сих пор воспитательная функция армии является одним из главных аргументов тех, кто выступает против сокращения сроков службы, введения института альтернативной службы и перехода к профессиональной армии.

Тщеславное желание создать нового человека немало говорит о менталитете диктаторов. Но желание это имеет и практический смысл. Всякая власть опирается не только на тех, кто заинтересован в ее существовании по прагматическим соображениям, но и на определенный тип личности, на людей, которым именно такая система власти нравится, отвечает их психологичес ким характеристикам. Причем, не так важно, много ли в обществе таких людей. Важно, чтобы именно они имели максимальный доступ к руководящим и влиятельным позициям в армии, системе образования, средствах массовой информации.

Диктатуре необходим особый человек. Но нет нужды создавать его специально. Он всегда существовал и существует в любой стране, хотя никогда и нигде не был в большинстве. Это человек, которому нравится тоталитарная власть, который благоговеет перед ней и готов служить этому порядку, даже и не имея от него выгод лично для себя. Описанные Адорно авторитарные личности поддерживают любую сильную власть, вне зависимости от того, какие лозунги она пишет на своих знаменах. Диктатура находит таких людей, опирается на них, открывает им "зеленую улицу". Со временем именно такие люди начинают определять лицо общества. В результате складывается впечатление, что это, активное в силу исторических обстоятельств, меньшинство репрезентирует все население страны.

Если считать любовь к тоталитарной власти патологией, болезнью, то надо сказать, что часть людей лишь притворяются больными. Они участвуют в устраиваемых властью спектаклях — в демонстрациях единства и энтузиазма, либо считая, что так будет выгоднее для них самих и для их семей, либо автоматически — аналогично тому, как нерелигиозные люди могут ходить в

церковь просто потому, что так поступают окружающие. Кто-то при этом, ненавидя власть, руководствуется принципом "Плетью обуха не перешибешь", кто-то считает сложившийся порядок вещей единственно возможным и обращает на него внимания не больше, чем на привычный пейзаж за окном. Когда происходит крушение режима, эти люди без всяких внутренних проблем отказываются от прежних ритуалов, перестав изображать веру в то, во что они, в сущности, никогда и не верили.

Такой сравнительно благополучный вариант не болезни, а лишь ее имитации получает распространение на поздних стадиях существования диктаторского режима, когда слабеющая власть может лишь иногда огрызаться, но уже не способна ни на тотальный контроль, ни на массовые репрессии. Соответственно, такая феноменология легкого отказа от навязанной роли верноподданного характерна для сравнительно молодых людей, не имеющих опыта существования при жесткой диктатуре. У старших же поколений, которые этот опыт пережили, маска прирастает к лицу. Тоталитарное государство не оставляет своим подданным места для игры и притворства.

Психологические реакции на диктатуру. Объективно, жизнь в условиях тоталитарной диктатуры ужасна. Мало того, что люди влачат нищенское существование — они не принадлежат себе. Государство контролирует их передвижения, может отобрать паспорта и удостоверения личности, запрещает выезд за рубеж и регламентирует передвижения по стране.

Государство лишает подданных личного пространства. Например, в нашей стране неприкосновенность жилища была лишь одной из множества лицемерных деклараций, а кроме того, значительный процент населения не имел и сейчас не имеет своего жилья, проживая в общежитиях. Главное, здесь — даже не недостойные условия сами по себе, а то, что человек находится под постоянным контролем — он почти никогда не бывает наедине с самим собой, гости к нему могут приходить только с разрешения администрации общежития, которая имеет право на законных основаниях в любой момент войти в его комнату.

Конечно, самое важное, что гражданин тоталитарного государства не распоряжается даже собственной жизнью. В разных странах, оказавшихся во власти тоталитарных диктатур, миллионы людей были арестованы и убиты по вздорным обвинениям или просто без всяких обвинений. Человек может быть убит и по каким-то понятным либо ему самому, либо репрессивному аппарату основаниям — инакомыслие, нежелательная этническая или религиозная принадлежность, неправильное социальное происхождение — и просто случайно, потому что органы безопасности хотели продемонстрировать рвение и усердие в работе. Смелым и умным людям, понимающим, что аресты часто идут по случайным основаниям, это, иногда, давало шанс. В период сталинских репрессий бывали случаи, когда человек, которого приходили арестовывать, выпрыгивал в окно или, услыша ночной стук в дверь, убегал с заднего хода. Если той же ночью он уезжал из города, переезжал в соседнюю область, то органы могли больше никогда о нем не вспомнить — ведь лично против него у них ничего не было, им нужно было просто набрать определенное число арестованных и его с легкостью заменяли другим, столь же невиновным, но не таким активным человеком. Но, к сожалению, такие истории со счастливым концом были крайне редкими.

Тоталитаризм — это сюрреалистический мир, где тебе не принадлежит ничего. У тебя нет ни дома, ни земли, ни свободы. Тебе не принадлежит и будущее. Каким бы скромным и незаметным человеком ты ни был, этой ночью к тебе могут прийти и жизнь твоя на этом закончится. Могут отобрать твою жизнь, а могут — жизнь жены или дочери, могут сослать, могут переселить, могут сделать с тобой, что угодно. И защиты нет.

Есть три варианта реагирования на такую жизнь.

Первый вариант реакции человека на тоталитарное государство — сопротивление, восстание. Это путь немногих героев. История диктаторских режимов хранит свидетельства героического поведения тех наших сограждан, которые надеялись сокрушить систему или для которых чувство собственного достоинства и стремление к свободе были дороже жизни. Почти все они, разумеется, погибли. Государство, кстати, придумывая фиктивных террористов и шпионов в количествах, превосходящих всякое воображение, тщательно скрывало от своих подданных реальные случаи сопротивления. Понимая, что власть их стоит не только на силе, но и на своего рода гипнозе, вожди боялись, что пример отдельных смельчаков может разрушить чары власти.

В классических экспериментах по конформности, проведенных в США в конце пятидесятых годов, было показано, что когда группа давления, подсказывающая человеку неправильное, противоречащее очевидности решение задачи, не монолитна, когда находится хотя бы один, кто, не соглашаясь с большинством, дает правильный ответ, конформность падает почти до нуля. Да,

есть шанс заставить человека поверить почти во что угодно — в то, что от Нью-Йорка до Сан-Франциско всего двести километров, и в то, что дважды два — шестнадцать, и в то, что люди, навлекшие на страну чудовищные несчастья, -— мудрые и великие вожди. Он может во все это поверить, но, если появляется хоть один несогласный, пелена с его глаз спадает, он вновь начинает видеть реальный мир, тот, в котором дважды два — четыре, а диктатор — преступник. И, глядя на этого одного несогласного, он видит, что совсем не обязательно повторять вместе со всеми то, во что не веришь, а можно говорить то, что думаешь, и быть самим собой.

Были люди, которые пытались убить Сталина, Ким Ир Сена или Гитлера, были люди, которые в самые страшные годы создавали подпольные организации, надеясь разрушить стоящую на терроре власть. Их не просто уничтожали. Делали все, чтобы сограждане никогда не узнали о существовании этих людей. Для сталинской диктатуры миллионы японских или германских шпионов не были опасны с пропагандистской точки зрения. Эти шпионы были столь фантастичны и искусственны, что люди никак не могли идентифицироваться с ними, принять их действия за образец для себя. А вот информация о том, что простой солдат, желая отомстить Отцу Народов за все, что тот сделал для людей, залег с винтовкой в районе Красной Площади и лишь в последний момент был пойман охраной — это реальный случай — такая информация могла подтолкнуть к решительным действиям и кого-то еще. И потому этого парня приговаривали не только к смерти, но и к забвению.

Диссидентам семидесятых удавалось расшатывать систему не столько потому, что их лозунги уважения прав человека и законности были столь популярными, сколько самой демонстрацией возможности ослушания, свободы, достойного человека поведения. Люди видели, что подчиняться не обязательно, что неподчинение в небольших масштабах может даже и не привести к санкциям — государство уже ослабело и не могло наказывать всех, кто оскорблял его своим скепсисом и нелояльностью, — и слепое послушание ушло в прошлое. Но это был уже не тот тоталитарный режим, при котором сформировалось наше старшее поколение. Тот режим не оставлял безнаказанным никого.

Второй вариант реакции человека на тоталитарное государство - непротивление, которое не требует самопожертвования. Человек может осознать преступность режима, полную непредсказуемость собственной судьбы и невозможность повлиять на нее, но, понимая безнадежность борьбы, ничего не делать, принимая мир таким, каков он есть.

Мы все знаем как трудно человеку принять даже естественные моменты человеческого бытия — неизбежность собственной смерти, непредсказуемость и негарантированность развития отношений с близкими людьми. Но во много раз труднее примириться с бессмысленной жестокостью диктатуры. Кому-то все-таки удавалось. Многие наши интеллигенты в тридцатые годы всегда держали рядом с входной дверью "тревожный мешок" — запас еды и теплой одежды на случай внезапного ареста. Человеку могли и не дать времени на сборы, так что лучше было быть готовым заранее. Экзистенциальный принцип: "Каждый день как последний" _ становился неизбежным для тех, кто осознавал реалии тоталитарного государства. Удивительно, что именно эти люди, понимавшие трагичность собственной судьбы и полную невозможность ее изменить, создавали прекрасную музыку, писали стихи, противопоставляя безумию реальности мудрость своего воображения.

Но для того, чтобы, все понимая и принимая как неизбежность, продолжать жить, работать, воспитывать детей, требовалось мужество, не меньшее, чем для бунта, нужен был уровень личностного развития, доступный лишь немногим избранным.

Наиболее естественным для человека, а значит, и наиболее распространенным является ***третий вариант реакции на реалии тоталитарного государства*** — определенные искажения в восприятии мира с тем, чтобы сделать его менее пугающим и более благополучным.

Можно, например, не замечать арестов и лагерей, не видеть нищеты и бесправия. В этом эффективно помогают органы массовой информации, которые при любой диктатуре делают все от них зависящее для того, чтобы подданные научились не обращать внимания на все, что, буквально, бьет в глаза на каждом шагу. Но добиться такого искажения реальности в массовом масштабе было довольно трудно. Люди не только читают газеты и присутствуют на торжественных собраниях, они еще и ходят по улицам, общаются с друзьями, работают. И весь их реальный повседневный опыт не соответствует тому, что говорят официальные власти.

Необходимые искажения в восприятии мира легче осуществить не на когнитивном уровне, отрицая какие-то аспекты реальности или придумывая то, чего нет, а на аффективном, меняя не столько свое восприятие, сколько свое отношение к действительности. Да, идут аресты, исчезают люди, но это не пугает, а, наоборот, успокаивает меня, потому, что люди эти — враги, а я не враг и мне ничего не грозит. Все, что происходит вокруг, имеет своей целью благо мое и таких, как я.

Наши руководители прекрасны и мудры, они никогда не совершают ошибок и всегда справедливы. Такое мироощущение позволяет сохранить уверенность в завтрашнем дне хоть на палубе тонущего корабля.

Любят диктаторов и верят их слезам не мазохисты и не садисты, помешанные на насилии. Как правило, это вполне нормальные люди. Просто для тех, кому выпало несчастье жить при тоталитарном режиме, любовь к системе была единственным доступным для них способом избавиться от парализующего страха перед будущим, вытеснить ужас в подсознание. Невротическая любовь к источнику насилия — не оптимальная, но, пожалуй, самая распространенная реакция людей при столкновении с пугающими и неподвластными им обстоятельствам и будь то жестокие и непредсказуемые родители или диктаторы, знающие рецепт всеобщего счастья и готовые заплатить за это чужими жизнями.

Люди хотят жить в уютном и спокойном мире, в котором им ничто не грозит. Активисты экологических движений знают, как эффективно наши современники отторгают любую неблагоприятную информацию о состояния природы, как трудно привлечь их внимание к катастрофическим последствиям их собственной деятельности. Заядлые курильщики отвергают данные о вреде никотина, зато с радостью читают сообщения о долгожителях, которые, якобы, чуть ли не с рождения не выпускали трубку изо рта.

Аналогичным образом, люди, живущие при диктатуре, будучи не в силах ни изменить реальность, ни примириться с ней, строят для себя иллюзорный мир, в котором во главе государства стоят не убийцы, а вожди, и ведут они страну не к гибели, а к процветанию и счастью. И прежде, чем осуждать людей за эти иллюзии, давайте вспомним, как ужасна была действительность, от которой они пытались уйти.

У разных людей, переживших диктатуру, уровень психической деформации различен. Это зависит от личностных особенностей человека, и от его семейных обстоятельств. Некоторые семьи были буквально уничтожены террором, кого-то репрессии обошли стороной. После смерти Сталина и хрущевских разоблачений, когда была разрушена машина массовых убийств, многие люди смогли осознать свой прошлый страх, избавиться от унизительной психологической зависимости от системы и от любви к ней, которая, по сути, была не более чем симптомом болезни. Кому-то сделать это не удалось.

На индивидуальном уровне последствия психической травмы могут давать о себе знать долгие годы. Переживание трехлетнего возраста делает, иногда, человека больным на всю жизнь. Травмы, пережитые целыми народами, будут ощущаться еще не одно поколение. В Германии и в России, в Румынии и в Эфиопии, во многих других странах, переживших в двадцатом веке тоталитарные диктатуры, уже давно нет системы террора, уже давно в аду те, кто ее персонифицировал и к кому были обращены сердца миллионов подданных, видевших в них воплощение гениальности и добра. Уже некого бояться, но кто-то так и живет с ужасом в подсознании и со словами любви к мертвой власти на устах. Слишком страшным было то, что им довелось пережить.

3.2. Психология насилия

Сущность политического насилия. Жизнь человека в обществе регламентируется множеством законов и правил. Нельзя брать то, что тебе не принадлежит, даже если и очень хочется, нельзя проезжать на красный свет, даже если спешишь, следует здороваться с коллегами, даже если они тебе не симпатичны. Нормы эти различаются по степени жесткости. Часть из них носит характер пожеланий, их нарушение может привести к ухудшению отношения к нарушителю, к косым взглядам или насмешкам, но не повлечет за собой формализованных санкций. К такого рода нормам относится, например, требование придерживаться в официальных ситуациях определен ного стандарта одежды. Нарушение других норм влечет за собой санкции, штрафы, но люди склонны терпимо относиться к нарушителям, оправдывая или даже одобряя их поведение. Примером могут служить столь разные акты, как дуэль в прошлом веке или самогоноварение в наших деревнях. В обоих этих случаях власть наказывала нарушителей, но сограждане их не осуждали, а часто и помогали избежать санкций.

Есть нормы абсолютно императивные, такие, как запрет на убийство. Здесь власть и общество почти всегда едины в своем осуждении преступника, наказания максимально жестки, круг ситуаций, оправдывающих действия убийцы в юридическом или моральном плане, предельно сужен.

Нормы должны быть понятны большинству членов общества. Даже те, кто игнорируют данную норму, знают, обычно, в чем она состоит. Противоречащие друг другу требования не могут действовать одновременно, как не могут существовать правила дорожного движения,

предписывающие легковым машинам придерживаться правой стороны улицы, а грузовикам — левой. Вы можете, конечно, проехать по левой стороне, но при этом вы знаете, что совершаете нарушение.

Для существования любого общества необходимо, чтобы большая часть людей в большинстве ситуаций выполняла основную часть значимых для общества норм. Если на красный свет будут проезжать не отдельные нарушители, а все водители, движение в городах остановится. Если человеческая жизнь потеряет ценность не только для отдельных бандитов, а для большинства граждан, мы не сможем выходить из дома без оружия. Необходимость следования определенным правилам очевидна. Вопрос состоит в том, как добиться от граждан определенного поведения, соответствующего нормам и ценностям общества, и не допустить деструктивных действий.

Для этого есть несколько путей. Человек может быть воспитан таким образом, что следование некоторым нормам будет для него естественной и единственно возможной формой поведения. Религиозному человеку не надо напоминать о необходимости соблюдать тишину во время богослужения — уважение к обряду представляет собой часть его веры. Другой вариант — соблюдение нормы не столько в силу уважения к этой норме, сколько в силу стремления сохранить хорошее отношение окружающих или избежать их осуждения. Так, члены израильских кибуцев — сельскохозяйственных общин, организованных по принципу коммуны, — не могут быть подвергнуты никаким официальным санкциям. Как бы ни работал человек, как бы ни относился он к своим обязанностям (вплоть до полного их игнорирования), он получит ту же самую зарплату, что и все остальные, ему гарантированы те же права и он ни при каких условиях не может быть из общины исключен. Однако неформальный социальный контроль — уважение к тем, кто трудится честно и эффективно, и психологическая изоляция лодырей — оказывается достаточным для того, чтобы большая часть членов кибуца работала с полной отдачей.

Это, в общем, идеальные варианты. Но в истории человечества не было еще системы, которой не приходилось бы использовать меры принуждения — штрафы, тюрьмы, до недавнего времени, а кое-где и сейчас — пытки и казни. Люди могут сами желать следовать каким-то нормам, их можно убедить, но можно, а иногда и нужно, заставить, применив силу или угрозу. Насилие, как способ принуждения, в той или иной степени присуще любому обществу. По всей земле есть полиция и суды, государство использует насилие по отношению к части граждан своей страны или по отношению к другим странам и их жителям.

Насилие в политике использовалось всегда и вряд ли когда-нибудь от него удастся отказаться полностью. Правда, в двадцатом веке приемлемость насилия как универсального способа регуляции общественной жизни все чаще подвергается сомнению и зоны использования насилия все больше сужаются.

Есть несколько причин такой динамики отношения к насилию. Во-первых, четко просматривается тенденция сужения зоны императивного регулирования человеческого поведения. Большинство государств и обществ становятся все более терпимыми к тем действиям граждан, которые не затрагивают непосредственно интересы других людей. Нигде в Европе, например, людей не принуждают к соблюдению обрядов какой-либо одной господствующей религии — вера человека стала его личным делом. Уходят в прошлое многие запреты и регламентации — кому какую одежду носить, сколько и когда работать, — на поддержание которых нацелен был аппарат насилия в средние века. В результате этой общей либерализации сокращается число тех случаев, в которых государство стремится добиться от граждан определенных ограничений, а соответственно, сокращается и необходимость в насилии как в средстве принуждения.

Во-вторых, все большему числу людей становится ясно, что волну насилия, будь то война или репрессии против внутренних врагов, крайне трудно остановить. Насилие, запланированное как временное и локальное, легко перехлестывает через любые заранее определенные барьеры. А это значит, что акты насилия в современном мире, оснащенном ядерными ракетами и атомными станциями, могут привести к катастрофическим последствиям.

В-третьих, за последние десятилетия изменилась моральная атмосфера. Для граждан развитых стран насилие стало неприемлемым по моральным соображениям. Ценность человеческой жизни и суверенность каждой из деклараций превращаются, если и не в императивы, то, по крайней мере, в нормы, с которыми уже не могут не считаться политики.

Насилие, тем не менее, существует. Рассмотрим ряд проблем, связанных с феноменом политического насилия. Прежде всего, постараемся ответить на вопрос о том, при каких условиях насилие становится жестоким фактором политики и превращается в геноцид.

Геноцид - особый вид политического насилия, которое характеризуется массовыми убийствами, большой степенью вовлеченности в акты насилия не только властной элиты и сотрудников карательных органов, но и практически всего населения.

Отношение общества и государства к насилию определяется тысячами причин — историей и культурными традициями данного народа, конкретной политической и экономической ситуацией, личными качествами носителей власти, степенью развитости или неразвитости структур гражданского общества. Но и абстрагируясь от этих конкретных особенностей той или иной страны, можно выделить несколько факторов, способствующих тому, что насилие становится не экстраординарным и вынужденным действием, а нормой, частью официальной политической идеологии государства.

Первый фактор носит не столько политический, сколько мировоззренческий характер. Речь идет об определенных ***представлениях о человеческой природе***. Демократические режимы исходят из презумпции изначальной разумности и конструктивности человека: люди способны договариваться между собой, им не свойственны разрушительные тенденции, они склонны подчиняться правилам, существующим в обществе, поскольку понимают их разумность и необходимость. С таким взглядом на человека связано и отношение демократических систем к насилию — оно допускается лишь как исключительная мера по отношению к меньшинству населения. Массовое же политическое насилие демократическая идеология отвергает в принципе.

Вторым фактором , способствующим тому, чтобы насилие становилось системообразующим стержнем политической идеологии является определенное ***представление об историческом процессе*** . Если этот процесс видится хаотичным, случайным, в ходе которого постоянно возрастает энтропия, то для регулирования этого процесса, для введения его в какие-то рамки, нужен великий человек, который сможет этот процесс структурировать.

Этот великий человек, таким образом, противостоит, с одной стороны, тупости и агрессивности каждого из своих подданных, а с другой — хаосу и разрушительности, свойственным историческому процессу вообще. При этом, если согласиться, что исторический процесс хаотичен и ведет к разрушению и гибели, то насильственные меры, применяемые для того, чтобы противостоять этому хаосу и разрушению, будут восприниматься не только как вполне приемлемые, но и как гуманные и необходимые, а сопровождающие насилие жертвы — как неизбежные.

Третий фактор — это ***представление политика или политической элиты о миссии*** — своей, своего народа, своей партии или любой другой группы, с которой идентифицируют себя субъекты политического процесса. Если "мы", белые люди, или "мы", коммунисты, или "мы", патриоты, призваны осуществлять некую миссию, некие принципиальные изменения в обществе, привести его к правде, к истине, осуществить свое предназначение, то тогда вопрос о допустимости насилия не вызывает никаких сомнений. Его вполне можно использовать, хотя бы для того, чтобы быстрее достичь высшей цели, которая, безусловно, оправдывает средства.

Четвертый фактор — ориентация в политике не столько на решение повседневных проблем, сколько ***на некий идеальный мир***. Такая ориентация приводит к представлению о малой ценности настоящего момента. Не случайно, более жестокое воспитание свойственно тем педагогическим системам, которые считают ценностью не сегодняшний день, а лишь день завтрашний. Важно не то, интересно или приятно ребенку учиться сегодня, а насколько то, чему его учат сейчас, подготовит его к взрослой жизни. То же самое происходит и на уровне идеологии. Если сегодняшний день не самоценен, а является лишь переходным периодом на пути к дню завтрашнему, то нет моральных преград для того, чтобы ради скорейшего достижения цели использовать в политической практике любые формы насилия.

Виды политического насилия. Различные виды политического насилия можно классифицировать по разным основаниям — по степени жестокости, по способу обоснования, по отношению к этим актам общества и т.д. Все эти классификации, безусловно, имеют право на существование. Мы, однако, будем использовать типологию, основанную на использовании двух координат. *Первая координата* — это ***тип субъекта насилия*** -— коллективный или индивидуальный. В одном случае насилие осуществляется некоей группой или институтом, в другой — одним человеком. *Вторая координата* — ***степень структурированности акта насилия***.

Структурированое насилие - политическое насилие, которое осуществляется по более или менее строгим правилам. **Неструктурированное насилие** - политическое насилие, которое не имеет четко установленных правил, спонтанно и непредсказуемо. В этом случае, конечно, существуют неписаные правила, но они могут по-разному интерпретироваться разными членами общества и вовлеченными в акт политического насилия индивидуальными или коллективными субъектами.

Использование этих двух координат позволяет выделить ***четыре типа политического насилия***: коллективное структурированное насилие, коллективное неструктурированное насилие, индивидуальное структурированное и индивидуальное неструктурированное насилие. Рассмотрим примеры этих типов политического насилия и примеры институтов, созданных для осуществления насилия в каждом из этих четырех вариантов.

1. Коллективное структурированное насилие. Примерами институтов, призванных осуществлять коллективное структурированное насилие, могут служить армия и полиция. Они представляют собой социальные институты, осуществляющие насилие во имя интересов страны. Насилие, в данном случае, легитимизируется государством, что символизируется, в частности, униформой с использованием национальных символов. Национальная символика присутствует на униформе солдат, ставится на военную технику и т.д. Существует и обратная тенденция — военная тематика включается в национальные символы в виде, например, скрещенных мечей или хищных птиц и животных на гербе страны. Львы, орлы или сабли, в этом случае, символизируют и силу, и готовность ее использовать.

Институты структурированного политического насилия организованы по иерархическому принципу. Младшие по званию подчиняются приказам вышестоящих начальников, которые и несут всю полноту ответственности за свои распоряжения. Феномен снижения чувства индивидуальной ответственности, в той или иной мере, присущ всем социальным институтам такого типа. В максимальной степени чувство индивидуальной ответственности снижается в армиях или органах правопорядка диктаторских режимов, где это чувство вообще всячески подавляется. Взамен гражданам предлагается полное спокойствие и возможность не думать о последствиях своих поступков. Гитлер сказал: "Я избавляю немецкую молодежь от химеры совести". Аятолла Хомейни обещал всем солдатам, воюющим с Ираком, прощение всех грехов и вечное блаженство. Однако и во вполне цивилизованных странах признается, что, например, за действия, совершенные солдатом, ответственность несет не только и не столько он сам, сколько его командир.

Сам факт подчинения другому и, связанное с этим снижение чувства ответственности за свои поступки меняет поведение человека. Люди, не чувствующие ответственности за то, что они делают, способны на крайнюю жестокость, неожиданную и для них самих и для тех, кто, казалось бы, давно и хорошо их знает.

Американский психолог Стэнли Милгрэм продемонстрировал, что самые обычные люди, подчиняясь приказам того, кто выступает как начальник, как "власть", могут совершать страшные поступки. Милгрэм приглашал испытуемых для участия в эксперименте по исследованию памяти. Выразившим желание прийти на этот эксперимент говорилось, что они будут выступать в роли учителя для другого такого же испытуемого (на самом деле — подставного лица). Их задача состоит в том, чтобы прочитать второму "испытуемому" список, состоящий из некоторого количества пар слов. Дальше они будут называть одно слово из пары, а "испытуемый" должен вспомнить второе. В тех случаях, когда он будет ошибаться, надо нажимать на кнопку, и "испытуемый" будет получать удар тока.

Силу этого удара, по условиям эксперимента, необходимо было увеличивать, если "испытуемый" делал много ошибок. Начав с 15 вольт можно было дойти до 450, причем на пульте с кнопками, перед которым сидел настоящий испытуемый, были поставлены не только цифровые обозначения, но и написано, что из себя представляет тот или иной удар тока ("слабый удар", "сильный удар", "опасно: очень сильный удар").

Дальше подставного "испытуемого" сажали в другую комнату и эксперимент начинался. В действительности, никаких ударов тока "испытуемый" не получал, но ему поступали сигналы о том, на какие кнопки нажимает настоящий испытуемый. По мере увеличения интенсивности ударов "испытуемый" начинал протестовать, кричать, при 300 вольтах он начинал бить в стену, а при еще большей интенсивности — замолкал и не отвечал на вопросы.

Естественно, многие испытуемые хотели прекратить эксперимент сразу же, услышав протесты своего "ученика", но экспериментатор, находящийся в этой же комнате, требовал от них продолжения работы, и, как ни странно, большинство этому требованию подчинялось. Никто из испытуемых не прекратил эксперимент до того, как "ученик" начинал бить в стену (т. е. все дошли до интенсивности ударов тока в 300 вольт), а 65 % испытуемых дошли до максимальной величины — до 450 вольт. Более того, когда испытуемый не сам нажимал на кнопку, а отдавал приказ сделать это другому человеку, то до максимальной величины дошли 93 % испытуемых. В тех же случаях, когда экспериментатора не было в комнате, только 21 % испытуемых доходил до максимальной интенсивности удара.

Интересно, что когда Милгрэм обращался к профессиональным психологам и психиатрам с просьбой предсказать результат подобного эксперимента, они сходились на том, что не больше 4 % населения может превысить величину 150 вольт, а 300 вольт превысит, максимум, один процент испытуемых, причем, это будет свидетельством серьезной психической патологии.

В институтах коллективного структурированного насилия наблюдается еще один важный социально-психологический феномен — деиндивидуализация. У солдат и полицейских снижается ощущение собственной уникальности, отличия себя от других людей. Это закономерно ведет к большей личной жестокости и к большей готовности выполнять жестокие приказы.

2. Коллективное неструктурированное насилие. Если коллективное структурированное насилие призвано поддерживать стабильность государственных институтов, то коллективное неструктурированное насилие, наоборот, направлено против них. Примерами неструктурированного коллективного насилия могут быть восстания, бунты и тому подобные массовые действия. Если солдаты или полицейские представляют государство и, в той или иной степени, идентифицируются с ним, то для участников бунтов или восстаний характерна идентификация не с государством, а с народом или с какой-то частью народа. Чувство индивидуальной ответственности у участников актов коллективного неструктурированного насилия значительно выше, чем у тех, кто вовлечен в насилие структурированное. Поэтому большую роль для них играет идеология. Если в армии солдат, в принципе, может сказать, что его дело подчиняться, а не выяснять за правое ли дело идет война, то участник бунта или восстания знает, за что он сражается. У него общие с другими восставшими враги, общие цели и общие надежды.

Акты коллективного неструктурированного насилия лежат в основе многих политических систем, возникших в ходе революций и народных восстаний или других массовых неструктурированных насильственных действий. Однако спонтанными и хаотичными массовые выступления бывают лишь в самом начале движения. Если революция продолжается сколько-нибудь длительное время и уж во всяком случае — после победы, происходит структуризация, возникают специальные институты со строгой внутренней иерархией, осуществляющие политическое насилие уже от имени не только народа, но и нового государства. В названиях новых институтов еще долго присутствуют указания на их революционное происхождение (не просто полиция, например, а народная полиция), что, разумеется, не мешает превращению народного, некогда, движения, в институт подавления, направленный, зачастую, именно против народа.

Процесс структуризации коллективного насилия хорошо виден на примере превращения революционной, нерегулярной армии в армию регулярную. Например, революционные армии не имеют униформы и не слишком обременяют себя уставами и формальной дисциплиной. Вскоре после победы все это появляется. Но люди в униформе — это специальные люди, это не весь народ. Солдаты, занимающиеся строевой подготовкой и обязанные отдавать честь старшим по званию, не могут, как это делали бойцы революции, свободно выбирать, на чьей стороне сражаться. В результате революционная армия перестает быть таковой и становится государственной.

Процесс структуризации затрагивает и использование национальной символики. Многие революционные армии ее отвергают — национальные символы находятся в монопольном владении старого режима. Революционеры создают свою символику, либо совсем новую, либо апеллирующую к неиспользуемым официальной властью аспектам национальной истории и культуры. После победы революционные символы становятся общенациональными, старая символика отвергается и даже, как будто, забывается. Однако со временем она возрождается и постепенно входит в символический код новой власти. Так, например, произошло у нас, когда во время Великой Отечественной войны были учреждены ордена Суворова и других великих полководцев Российской империи, а форма офицеров стала почти такой же, какой она была в царской армии.

Легитимность многих режимов связана с представлениями о легитимности революции и с убеждением, что революционеры действовали и продолжают действовать от имени всего народа. Процесс структуризации институтов насилия, отделяя солдат и работников органов правопорядка от остальной массы народа, подрывает это ощущение легитимности и порождает серьезные проблемы в отношениях между народом и новой властью. Осознавая это, многие режимы стремятся каким-то образом сгладить процесс структуризации институтов насилия. Например, лидеры сохраняют форму или стиль одежды времен революции, т.е. того периода, когда они были представителями не государства, а всего народа. Наиболее известным примером такого решения являются борода и экстравагантная одежда Фиделя Кастро.

Структуризация обычно направлена вовнутрь, т.е. она начинается с обеспечения внутренней безопасности, и целью ее является достижение внутреннего единства. Сначала структуризируются службы безопасности, направленные против внутренних врагов, а уже после этого структуризируется армия, которая направлена на отражение внешней агрессии. В принципе, возможно и обратное движение — от институтов структурированного коллективного насилия к институтам неструктурированного насилия. Примером могут служить попытки создания нацистского сопротивления после оккупации Германии в 1945 г., когда на базе подразделений СС и, частично, на базе юношеских организаций нацисты пытались создать на оккупированной территории партизанские отряды. Собственно, деструктуризация происходит всегда после гибели режима или временного отступления режима. Остатки институтов политического насилия пытаются продолжать действовать, но уже в менее структурированном варианте.

3. Индивидуальное структурированное насилие. Примером структурированного индивидуального насилия могут служить феодальные отношения между вассалом и сюзереном. Эти отношения предполагают личную лояльность и право сюзерена на насилие по отношению к своему вассалу.

По всей вероятности механизмы структурированного индивидуального насилия являются необходимой составляющей реализации коллективного структурированного насилия, т.е. личная лояльность, допустим, телохранителей по отношению к охраняемому ими лицу, по-видимому, является необходимой составляющей для того, чтобы создавались соответствующие социальные институты, например, армия. Не случайно в любой армии мира считается особым подвигом, когда солдат жертвует жизнью, спасая командира. Фактически, при этом, он защищает не Родину в целом, а защищает другого человека, но этот другой человек важнее, ценнее, чем он сам.

Участие в структурированном индивидуальном насилии, так же, как и участие в коллективном структурированном насилии, позволяет не чувствовать ответственности за последствия своих действий, отделять себя от той роли, которую ты в данный момент исполняешь.

Общество, регулируя структурированное индивидуальное насилие, максимально четко определяет, что, по отношению к кому и в каких условиях возможно, а что — нет. Архаические общества открыто признавали разные права и разную ценность людей. Это фиксировалось как право первой ночи, как разные наказания за одни и те же насильственные действия в зависимости от того, кто является субъектом и объектом насилия и т.д. Например, убийство князя, если оно совершено другим князем, наказывалось иначе, чем убийство князя смердом.

В современных обществах, декларирующих полное равенство людей и равную ценность любой человеческой жизни, тем не менее, существуют разные права на индивидуальное насилие, и эти права подробно регламентированы.

Работникам службы охраны порядка позволено использовать насилие по отношению к преступникам. Сопротивление полиции и нанесение вреда полицейскому, находящемуся при исполнении служебных обязанностей, является более серьезным преступлением, чем, например, насилие по отношению к этому же полицейскому, но когда он не в форме, или к другому гражданину, не имеющему отношения к полиции.

4. Индивидуальное неструктурированное насилие. Неструктури -рованное индивидуальное насилие охватывает очень широкий круг явлений — от бытового хулиганства до издевательства начальника над подчиненным. Оно существует и в виде спонтанных актов, таких, как пьяная драка, и в виде продуманных преступных действий, например, разбойных нападений, и наконец, в виде сверхнормативной жестокости в рамках актов структури -рованного насилия, коллективного или индивидуального. Примером могут служить жестокость сержанта по отношению к солдату или издевательства солдат оккупационной армии над мирными жителями.

Хотя акты индивидуального неструктурированного насилия не имеют, как правило, никаких идеологических оправданий и, в той или иной степени, осуждаются обществом, участие в них совсем не обязательно порождает чувство вины. Во-первых, человек может атрибутировать всю ответственность за свое поведение внешним условиям, например, обществу. Так, в письмах преступников, отбывающих наказание за тяжкие преступления против личности, практически никогда не присутствует ощущение вины и индивидуальной ответственности. В том, что они совершили, виновато несправедливое общество, которое поставило их в столь ужасные условия, что они вынуждены были пойти на преступления.

Во-вторых, он может создавать для себя свой собственный моральный кодекс, считая, что ему в силу определенных обстоятельств — выдающихся заслуг, необыкновенных способностей или особого предназначения — позволено то, что не позволено никому другому.

Индивидуальное неструктурированное насилие является наиболее личностно детерминированным из всех рассмотренных нами видов насилия. Жестокость субъекта, это не только отрицание, но и соглашение. Подлинная свобода возникает только тогда, когда имеет место договор, найден общий язык, принято совместное решение, учитывающее интересы каждого. Индивидуальная свобода возможна только в условиях демократии и добровольного подчинения закону. Однако существуют **опасности демократии** - взгляд, согласно которому предоставляемая демократией свобода действий, мысли и слова требует от человека осознания большей ответственности, инициативы и умения согласовывать свои поступки с интересами общества в целом.

Жизнь в условиях демократии и свободы предъявляет к человеку определенные требования. Это касается, например, системы его потребностей. Если ценности стабильности будут доминировать над всеми остальными, человеку будет крайне тяжело и он будет негативно относиться к любым шагам, направленным на увеличение свободы.

3.3. Психология свободы

Психология свободы - способность к конструктивной дискуссии, которая представляет собой сердцевину демократического процесса. Психология свободы имеет свою закономерность. **Закономерность свободы** - чем больше свободы и, соответственно, меньше заданности и предопределенности, тем активнее должен быть субъект в постановке и достижении своих целей.

Важнейшими признаками свободы являются активность и плюралистичность. **Активность** - характерологическое свойство человека, делающее его способным эффективно функционировать в условиях свободы. **Плюралистичность** - характерологическое свойство человека, делающее его способным к конструктивной дискуссии. Речь идет не только о навыках убеждения оппонента в правильности своей точки зрения, но и о способности принять его позицию, а значит — отказаться от своей. Для этого знаменитое "Подвергай все сомнению" должно быть отнесено и к себе. Всепоглощающая уверенность в том, что именно ты владеешь истиной во всем ее объеме, делает дискуссию невозможной. Любой несогласный тут же обвиняется либо в некомпетентности, либо в злонамеренности.

Конечно, не все свои убеждения должны становиться объектом неуверенности. Но ведь предметом споров являются, обычно, не сами факты, а гипотезы и оценки, стоящие за ними. И здесь для участия в демократическом обсуждении, т.е. для жизни в условиях свободы человеку необходима известная плюралистичность, понимание того, что истина часто не одна, а уж монополией на нее не обладает никто.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что очень многим представителям общества, находящегося в фазе интенсивных социальных изменений, не хватает ни активности, ни, особенно, плюралистичности. Рассмотрим, с чем связано формирование двух этих характеристик. При этом оставим за рамками анализа их детерминацию темпераментом или другими индивидными свойствами. Такого рода детерминация, безусловно, важна для понимания отдельных случаев, но обращение к ней не будет плодотворным для выяснения закономерностей формирования интересующих нас характеристик у больших групп людей. С этой точки зрения целесообразно обращение к определенным социально-культурным моментам, которые могут определять степень выраженности активности и плюралистичности.

Психологические факторы активности субъекта. Рассмотрим сначала факторы, определяющие активность субъекта или его пассивность. Можно выделить, как минимум, четыре фактора, оказывающие тормозящее воздействие на формирование активности.

А. *Первым фактором* является характерное для многих людей ***ощущение бессилия*** , невозможности изменить что-либо в своей собственной жизни, повлиять на положение дел в организации, к которой они принадлежат, и в стране в целом. Ощущение бессилия не может считаться объективным выражением жизненных реалий. Большинство людей недооценивает те, пусть и небольшие, возможности для изменения собственной жизни или воздействия на ситуацию вокруг них, которые у них имеются. В этом убеждает, например, опыт психотерапевтической работы: жалобы на невозможность изменить что-либо присутствуют в рассказе о себе практически всех клиентов. Внимательный же анализ ситуации показывает, что хотя положение, чаще всего, действительно достаточно серьезное, есть определенные степени свободы, которые клиент просто не использует. Аналогичный вывод может быть сделан и относитель но позиции людей по отношению к различным организациям — возможности воздействия на них явно преуменьшаются. Таким образом, ощущение бессилия характеризует не столько личную и социальную ситуацию человека, сколько его восприятие этой ситуации.

Для преодоления ощущения бессилия недостаточно объективных изменений в социуме. Даже если социальные изменения прямо стимулируют рост активности каждого человека, реализация этих возможностей зависит от того, в какой степени люди поверят в то, что они действительно существуют в жизни, а не только на бумаге или в декларациях лидеров. Изменение сознания не следует автоматически за изменениями в законодательстве и социальной политике. Например, граждане, получившие возможности для предпринимательства или независимого труда, могут предпочитать выжидательную позицию или продолжать трудиться нелегально, без регистрации. Здесь проявляется не только несовершенство законов, но и недоверие к новой политике. Психологические структуры достаточно инертны и в период бурных социальных изменений они могут отставать от динамики в общественной жизни.

Ощущение бессилия связано и с определенной культурной традицией. Формулы типа "Единица вздор, единица ноль" отражают сложившуюся недооценку индивидуальных возможностей, скептическое отношение к результатам усилий одного человека.

В ряде социально-психологических экспериментов, посвященных проблемам взаимопомощи, жестокости и альтруизма было показано, что ощущение невозможности воздействовать на ситуацию (помочь попавшему в беду человеку, например) приводит к тому, что из набора возможных способов реагирования выбирается наиболее деструктивный — жесткость, отказ в сочувствии жертве несчастного случая и т.д. Это относится и к самому себе. Ничего хорошего меня или таких, как я "лимитчиков", "пэтэушников", беженцев не ждет. Ощущение неизбежности плохого течения собственной жизни способствует росту тех форм поведения, которые приводят к разрушению личности — наркомании, токсикомании, преступности.

Таким образом, для того, чтобы человек относился к себе, к окружающим и к обществу конструктивно, чтобы в его поведении доминировали моменты кооперативности и взаимопомощи, ощущение бессилия должно смениться верой в собственные возможности. Демократия, способствующая именно такому мироощущению, является императивной, она не может быть отложена "на потом", до лучших времен. Без развития определенных демократических институтов и процедур невозможны ни решение острых социальных проблем, таких как преступность и наркомания, ни технологический прогресс. Работник, не ощущающий возможности реально влиять на жизнь своего предприятия, будет варварски относиться к самой совершенной технике.

Б. *Второй фактор* — ***особенности самосознания*** . Рассмотрим те из них, которые фрустрируют проявление активности. Можно выделить четыре таких параметра:

1. ***Деиндивидуализация*** . Для многих представителей реформи-рующихся обществ характерно недостаточное ощущение своей индиви-дуальности, отличности себя от других. Этому способствуют особенности принятой системы воспитания и социализации, от максимально широкого использования форменной одежды до морального осуждения каждого, кто внешним видом, стилем жизни или образом мыслей отличается от других. Отметим, что, как было показано в социально-психологических экспериментах, ощущение деиндивидуализации, т.е. похожести и даже неотличимости себя от других людей, приводит к росту жестокости и снижению тенденций к взаимопомощи. Например, в работе Ф. Зимбардо испытуемые играли некую игру с ненулевой суммой. Через некоторое время после начала игры всем испытуемым надевались маски, скрывавшие под собой их лица — индивидуальность "исчезала". Испытуемые сразу же переходили к более жесткой и конкурентной стратегии игры. Не в этой ли связи деиндивидуализации и жестокости таится секрет боевой раскраски воинов древних племен? Нарисованные оскаленные зубы не могли ведь устрашить противника — он рисовал себе такие же. Но краска скрывала лицо воина и ему легче было преодолеть биологический барьер перед убийством другого человека. Естественно задаться вопросом о масках бойцов сегодняшних спецподразделений — связано ли их использование только с прагматическими соображениями, или же и здесь, как в древности, маска дает возможность вести себя более жестоко и преступать природные запреты?

2. ***Размытость групповой принадлежности*** . Хотя объективно каждый человек включен в большое число групп, эта включенность далеко не всегда представлена на психологическом уровне. Люди не чувствуют себя гражданами, жителями своего города, не ощущают своей принадлежности к классу или к нации. Конечно, эти чувства принадлежности обостряются в экстремальных ситуациях, но нельзя же жить в условиях постоянного кризиса. Люди редко идентифицируются с предприятием, на котором работают, номинальным бывает даже членство в собственной семье. Такому положению способствует ряд причин. Прежде всего, это несовершенство политических структур, препятствующих реальной включенности в жизнь

организаций, к которым человек формально принадлежит. Например, выборы и, вообще, система власти в данном сообществе могут быть организованы таким образом, что подлинная реализация закрепленных за человеком прав избирать и быть избранным превращается в фикцию. Примером может служить положение владельца одной акции на собрании акционеров, где все решают держатели крупных пакетов. В некоторых случаях членство в организации является детерминирующим фактором поведения и внутренней жизни человека лишь в какие-то периоды. Так, политические партии заинтересованы в своих рядовых членах только на период предвыборных кампаний, когда к ним обращаются за помощью и всячески стараются стимулировать чувства единства и принадлежности. Однако сразу же после кампании о них забывают и членство вновь становится сугубо номинальным. Кроме того, фактором размытости групповой принадлежности являются организации, членство в которых изначально фиктивно, — вспомним хотя бы существовавшие у нас еще несколько лет назад общества трезвости. Не менее фиктивными были и профсоюзы, и многие другие организации. Реальные же объединения, которые действительно могут стать базой для формирования чувства идентичности, такие, как землячества или объединения выпускников, в нашей стране не только не поддерживались, но и были объектом, как минимум, настороженного отношения со стороны властей.

Групповая принадлежность на уровне малых групп — семьи, первичного трудового коллектива или дружеской компании — развивается достаточно легко и не требует специальных условий. Идентичность на уровне больших групп формируется лишь в определенной социальной среде, причем, процесс этот нуждается в поддержке со стороны общества. Без соблюдения этих условий человеку бывает крайне трудно ощущать себя членом тех или иных больших социальных групп.

3. ***Деперсонализация*** . Действия, совершенные в определенном классе ситуаций приписываются не себе, а как бы кому-то другому или некоей автономной части себя, за которую субъект не несет моральной ответственности. Такими ситуациями могут быть не только экстремальные ситуации, например, опасные для жизни, но и вполне рутинные, связанные с выполнением своих производственных или общественных обязанностей. Эта удивительная способность позволяет человеку, пошедшему на обман, считать себя человеком честным, струсившему — смелым, и т.д.

4. ***Ощущение зависимости*** . Человеку кажется, что он не может изменить важнейшие обстоятельства своей жизни — поменять работу, создать новую семью, изменить место жительства. Трудности этих изменений — безусловно, реальные и серьезные — всячески преувеличиваются. Наличное положение рассматривается, пусть и не как хорошее, но как лучшее из всех возможных, попытки изменить его объявляются бессмысленными и безнадежными. Психотерапевтическая практика показывает, что именно это ощущение заданности является проблемой практически всех обращающихся за помощью клиентов. Людям тяжело ощущать себя локомотивом на рельсах, у которого предопределен лишь один путь и всякая попытка свернуть с него неизбежно означает катастрофу. Общество может поощрять подобное мироощущение или, наоборот, препятствовать его формированию. Например, в качестве образца для подражания могут выдвигаться люди, резко и эффективно изменявшие свою жизнь, боровшиеся с обстоятельствами, переезжавшие с места на место, менявшие профессию и т.д. А могут другие — не менявшие ни работы, ни места жительства, унаследовавшие профессию и социальный статус родителей. Такие люди могут, как это было у нас до начала реформ, иметь специальные льготы, поощряться материально и морально. Работники, много лет проработавшие на данном предприятии, пользовались, например, преимущественным правом на получение жилья, бесплатных путевок или приобретения дефицитных товаров.

Перечисленные особенности самосознания приводят к пассивности потому, что снижают у человека ощущение субъектности. Активным может быть только человек, понимающий свое отличие от других людей, что данное действие можешь совершить только ты и никто другой; идентифицирующийся с какой-то группой, принадлежность к которой для него важна, которой он гордится, честь и интересы которой он готов защищать; сохраняющий чувство ответственности за свои поступки; ощущающий себя свободным делать то, что он считает нужным. Если всех этих особенностей самосознания нет — неизбежна пассивность.

Указанные особенности самосознания ответственны и за уровень нравственности в обществе. Нравственный поступок — это всегда выбор, причем выбор невыгодный. Когда трое бьют одного, то вступиться за него будет просто нормативным поведением для супермена, уверенного в победе, и подлинно нравственным поступком для того, кто понимает, что, скорее всего, он тоже пострадает. Если я ничем не отличаюсь от других, если я не идентифицируюсь ни с какой группой, если любые свои поступки я могу, по желанию, атрибутировать либо себе, либо

обстоятельствам или кому-то "другому" во мне, если, наконец, я вообще не считаю себя свободным совершать какие-либо активные действия — во всех этих случаях такие нравственные регуляторы как вина и стыд действовать, практически, не будут, и сама вероятность нравственного поведения снижается.

В. *Третьим фактором* , определяющим низкий уровень активности, является ***отказ от желаний***. Значительное число людей не только не предпринимают почти ничего для достижения своих целей, но и отказываются от самих этих целей — ничего не хотят. Ценности покоя, стабильности перевешивают все остальные возможные награды, в результате человек заранее отказывается от всех превышающих элементарный минимум материальных и духовных благ, гарантируя себе, взамен, спокойствие и стабильность. Таким образом, те блага, стремление к которым и является, в значительной степени, внешним стимулом к активности, обесцениваются в сознании субъекта и не могут выступать в качестве подкрепления. В "облегченном" варианте отказ от желаний принимает форму ориентации лишь на сугубо личные или семейные блага — все остальное обесценивается.

Г. *Последним фактором* является ***жесткость этической системы***. Максималистская идеология, функционирующая по принципу "все или ничего", приводит не к высокому уровню нравственности, а к пассивности. Любая активность — это компромисс, соглашение. Человек, не умеющий идти на компромиссы, неизбежно будет пассивен.

Таким образом, мы выделили четыре фактора, определяющих низкий уровень активности: ощущение бессилия, особенности самосознания, отсутствие желаний и жесткость этической системы.

Психологические факторы плюралистичности. Рассмотрим теперь, какие факторы влияют на степень выраженности плюралистичности.

1. Первым таким фактором является ***слабое знакомство с отличными от своих собственных условиями и стилем жизни***. Хотя окружающая жизнь достаточно разнообразна и дает примеры самых неожиданных способов организации семьи, обеспечения профессионального роста и решения других сложных проблем, это разнообразие может и не присутствовать в той картине социума, которая дается искусством и средствами массовой информации. Как правило, всегда проявляется тенденция к нивелировке различий. Восприятие действительности как однородной, повсюду одинаковой, не дает основания сомневаться в правильности собственного стиля жизни или, хотя бы, поставить под сомнение положение о том, что именно этот стиль является единственно правильным.

Деструктивные последствия такой искусственной унификации особенно хорошо видны на примере проблемы межнациональных отношений. Например, сведения, имевшиеся в распоряжении представителя какого-либо народа нашей страны об образе жизни, характере и культуре другого народа, могут быть подразделены на два класса. Первый класс сведений говорил об отсутствии сколько-нибудь заметных отличий между народами СССР. Одинаковый характер производства, общие проблемы и общие достижения, практически одинаковое или очень близкое законодательство. Второй класс сведений прямо противоположен первому — подчеркивались четкие различия между народами, их специфика по сравнению с любым другим народом.

К сожалению, идея отличий чаще всего подкреплялась примерами архаических проявлений национальной культуры, не связанных с повседневной жизнью народа, а специально сохраняемых, имеющих лишь исторический интерес. Так, на плакатах, изображавших народы СССР, в европейскую одежду, безусловно, наиболее распространенную по всей территории страны, был одет лишь представитель РСФСР. Все остальные были одеты в националь ные костюмы, реальное использование которых крайне ограничено. В результате, у представителей доминирующих национально-культурных групп складывалось представление о других народах либо как о диких, неспособных к жизни в условиях научно-технической революции, либо как о национальной группе, которая, при получении достаточного образования, становится такой же, как собственная национальная группа субъекта. Следствием такой позиции является высокомерие по отношению к другим народам, уверенность, что для разрешения своих проблем они должны как можно точнее копировать опыт доминирующих групп — любое существенное отклонение от стандарта рассматривается как аномалия.

С серьезными трудностями сталкиваются представители сравнительно небольших национальных групп. Национальное самосознание, базирующееся на примитивных музыкальных инструментах и отживших обрядах, будет характеризоваться либо ощущением собственной второсортности, либо агрессивным национализмом, поиском нравственных образцов исключительно в сильно идеализируемом прошлом. Для гармонизации межнациональных

отношений необходимо пропагандировать отличия между народами по тем параметрам, которые в максимальной степени важны для миллионов людей — распределение ролей в семье, отношение к деньгам, характер установок на воспитание детей, на старость, болезни и многое другое. Этого, однако, в СССР никогда не делалось, хотя это и было необходимым условием для того, чтобы различия между народами перестали восприниматься как уровневые, не осмеивались и отвергались, а служили важным источником информации и стимулом развития всех национальных групп. Корни сегодняшних национальных конфликтов — не только в реальных противоречиях и несправедливостях, но и особенностях восприятия друг друга.

2. Препятствием для формирования плюралистичности является и то, что в школьных и дошкольных учреждениях, да и в семье, как правило, ***подавляются*** не только антисоциальные, но и ***асоциальные или статистически анормальные формы поведения*** . Воспитатели обычно не одобряют каких-либо отличий детей друг от друга в одежде, вкусах, манерах поведения и т.д. Следовательно, большинство людей в ходе онтогенеза не сталкивалось или редко сталкивалось с ситуацией, когда нестандартное поведение и взгляды принимались окружающими благожелательно или, хотя бы, не влекли за собой тех или иных санкций. Естественно, это способствует тому, что именно стандартное поведение воспринимается как единственно правильное, сомнений в его адекватности или интереса к поиску иного пути не возникает.

3. Фактором снижения плюралистичности выступает также ***недостаточный опыт принятия другого человека и принятия себя этим человеком*** , несмотря на существенные разногласия. Длительные отношения невозможны без периодических конфликтов. Этот опыт может быть генерализован на широкий класс ситуаций, что будет способствовать терпимости, готовности принять мнение другого или, по крайней мере, отнестись к его позиции с уважением. Таким образом длительные близкие отношения, способствуя формированию плюралистичности, становятся одним из факторов, облегчающих жизнь в условиях свободы.

4. Снижает уровень плюралистичности и отсутствие или ***недостаточность опыта принятия самостоятельных решений***, последствия которых значимы для индивида. Ребенок обычно таких решений не принимает, его жизнь досконально регламентирована правилами и традициями. Что одеть, в какую школу идти, какие предметы изучать, даже с кем следует за одной партой сидеть — все это задано внешними, по отношению к нему, обстоятельствами. Однако, если у человека нет опыта принятия самостоятельных решений, значит у него нет и опыта ошибок, которые наступали вследствие этих решений, ошибок, за которые приходится расплачиваться. Этот опыт может послужить определенным барьером на пути отвержения позиции собеседника только из-за того, что ты уверен в правильности собственной точки зрения.

5. Последним из числа факторов, снижающих уровень плюралистичности, следует назвать отсутствие или ***недостаточность опыта выбора между двумя правильными суждениями, позициями*** и т.д. Большая часть вопросов и заданий, которые получает ребенок в школе, моделируют ситуации, где есть одно правильное решение, все остальные неправильные. Это касается, например, уроков математики, родного и иностранного языков, истории, географии и т. д. В то же время уроки, например, рисования, где "правильных" решений может быть столько же, сколько детей в классе (кто более "прав", тот, кто нарисовал зайчика, или тот, кто нарисовал самолет?), занимают в школьной программе довольно мало места. Более того, авторитарные установки учителя могут диктовать детям один ответ даже и в тех случаях, когда таких ответов, на самом деле, множество. Речь идет, допустим об оценке литературных героев или об отношении к тем или иным историческим событиям. Школа может задавать в качестве правильного лишь один из множества возможных вариантов ответов. В результате у ребенка формируется представление о том, что истина может быть только одна, и если человек придерживается иной, по сравнению с твоей собственной позиции, это означает, что он ошибается.

Таким образом, мы выделили пять факторов, определяющих уровень плюралистичности — незнакомство с отличными от собственных стилей и условиями жизни, отсутствие опыта анормального поведения, не повлекшего за собой санкций окружающих, недостаточный опыт длительных близких отношений, недостаточный опыт принятия самостоятельных решений и несформированность навыка выбора между двумя правильными утверждениями или позициями. Отметим, что большая часть этих факторов относится к системам обучения и воспитания. Можно предположить, что плюралистичность, как личностная характеристика, формируется в первые годы жизни и достаточно трудно поддается коррекции в зрелом возрасте.

4. ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

4.1. Динамика политического сознания

Политическое сознание - восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами.

Политическая история человечества поражает своим разнообразием. Были страны, где подавляющее большинство населения лишено каких-либо прав, а всем, в том числе и жизнью людей, распоряжаются тиран или правящая олигархия. Были страны, где люди болезненно воспринимали любые попытки хоть как-то ограничить их свободу и более всего были озабочены тем, чтобы не дать правительству слишком много власти. Одни государства стремились к великим целям — к созданию всемирных империй и к присоединению новых земель, к триумфу своей религии или политической системы. Другие объявляли своей высшей целью благополучие граждан и ставили себя на службу своим подданным или избирателям. Где-то высшей ценностью является человеческая жизнь, где-то, с молчаливого согласия людей, государство использует насилие и террор. В одной стране вас не могут допросить без адвоката, в другой — признания в совершенных или несовершенных преступлениях добиваются под пыткой. Судьбы стран и народов были в руках гениев, преступников, сумасшедших, героев.

Во всех этих странах части, а иногда и большинству населения кажется, что жить можно и нужно только так, как живут они сами, что порядки могут и должны быть именно такими, как в их собственной стране. Люди, вообще, привыкают жить так, как живут. Жителю Юга трудно понять, как можно выжить на холодном Севере. Овидий писал, что севернее Крыма люди жить не могут из-за крайней суровости климата. Северянам, однако, трудно обойтись без зимы и, попав на Юг, они тоскуют по морозу и снегу. Пионеру американского Запада никогда не смириться со всепроникающим контролем диктатуры, а подданному тоталитарного государства трудно было бы оказаться лишенным привычных гарантий и регламентации. Конечно, во всех системах есть люди, которых эта система не устраивает, которые либо стремятся изменить ее, либо переезжают туда, где политическое устройство более соответствует их вкусам и желаниям, либо, чаще всего, просто мирятся с несовершенством мира, страдая от ощущения несвободы или незащищенности, или чувствуют себя чужими в собственной стране. Однако в любой, самой жестокой и несправедливой, с точки зрения стороннего наблюдателя, системе, есть люди, которым именно так устроенная жизнь кажется оптимальной, которые не просто подчиняются законам и установлениям, но и хотят им подчиняться.

Власть и граждане находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Государство предъявляет людям определенные требования, граждане либо сопротивляются этим требованиям, либо принимают их. Эти требования касаются не только и не столько поведения, сколько определенного типа мироощущения, согласия с определенными ценностными и нравственными приоритетами, определенного типа сознания. Тот, кто принимает требования власти, кто становится таким, как требует власть, оказывается в наиболее выгодном положении — власть доверяет ему, и он сам чувствует себя комфортно и естественно. Именно такой человек имеет максимальные шансы идентифицироваться с данной конкретной системой и занять в ней высокое положение. Конечно, власть не только поддерживает такого человека, но и отвечает его представлениям, т. е. является именно такой, какой он хочет ее видеть.

Очевидно, что в разных системах взаимные требования и ожидания граждан и общества различны. Рассмотрим, как меняются они по мере продвижения государственного устройства от диктатуры к демократии, какие типы политического сознания будут соответствовать различным типам власти? Естественно, особый интерес для нас представляет то, как менялось политическое сознание в нашей стране?

Сознание и политическая система. Инфантильное сознание не различает субъект и объект. Полугодовалый ребенок, например, укусив сам себя, не понимает, отчего ему больно, плачет и продолжает кусать дальше. Аналогичным образом носитель тоталитарного сознания — "идеальный" подданный ***тоталитарной системы*** — не делает различий между обществом и властью, проблемы "власть и общество", столь важной в рамках других политических систем, для него просто не существует. Власть и народ в этом случае едины не потому, что они договорились в конкретном вопросе, решив, что интересы совпадают; в тоталитарном сознании власть и народ едины потому, что они вообще неразличимы, мыслятся как одно нерасчлененное целое, и сам вопрос об их отношениях не возникает. Актуальны иные проблемы: власть и народ против внешнего окружения, власть и народ против внутренних врагов. Тоталитарное сознание верит в абсолютное единство общества, и оно осуществляет эту веру на деле, убивая или объявляя

нелюдьми всех, кто не согласен с властью или может быть несогласен. Тоталитарное сознание парадоксально — при абсолютной объективной отрешенности людей от власти, при полной невозможности влиять на действия властей оно поддерживает искреннюю их веру в то, что вождь в каждом своем действии выражает их интересы, чувствуя эти интересы глубже и мудрее, чем могут они сами. Подобное слияние с властью — первый тип отношений власти и общества. Народ не безмолвствует, как в феодальных государствах прошлого, — нет, народ поет, кричит "ура" и рукоплещет казням.

Общество функционирует по принципу "запрещено все, кроме того, что приказано", но принцип этот мешает жить лишь врагам народа, только они хотят чего-то запрещенного и неприказанного. Тоталитарная личность с ее энтузиазмом и скромностью этого не хочет: не ограничивает свои желания, а действительно, искренне не хочет. Все ее отношения с миром развертываются по вертикальной лестнице, восходящей от любого находящегося на свободе члена общества к самому вождю. Соответственно, тоталитарная власть вмешивается и разрушает почти все горизонтальные формы общения людей. Профсоюзы, например, рассматриваются как ненужные и теряют всякое значение, в лучшем случае выполняя функции декорации. Выборы, если они проводятся, превращаются в комедию, разворачивающуюся по строго определенному сценарию, — результат их известен заранее с точностью до долей процента. Вторжение в семью, религию, культуру не знает границ. В обстановке тревоги и слежки любые объединения по интересам, имеющим сколько-нибудь существенное социальное значение, быстро приобретают вид подпольной организации и в конце концов их члены оказываются за решеткой.

В XX веке не раз создавались ситуации, в которых политическое поведение власти и политическое сознание общества оказались резко не соответствующими друг другу. Режим действует прежними тоталитарными методами, не замечая, что его рычаги сгнили и общество живет по иным законам. Бескровные революции, которые произошли в Португалии и Испании, отмечают именно такую ситуацию, по-своему развивавшуюся в Южной Корее, Бирме, Пакистане, Чили. Но революциям предшествовали десятилетия драматического разложения власти. Тоталитарная власть неизбежно входит в противоречие с природой вещей, и рано или поздно — обычно после смерти харизматического лидера — это становится очевидным даже для правящей элиты.

Перед режимами открываются два пути: распад и преобразование. Наши сограждане застали и то и другое. Брежневская эпоха была временем распада, когда лидеры немощными руками цеплялись за последние символы культа власти, а народ смеялся над тем, что для него стало не более чем побрякушками. Но ни власть, ни общество не предлагали политической альтернативы. Отдельные выступления несогласных, при всем их значении, не меняли общее восприятие того, что имеющаяся власть пребудет такой вечно. Ресурсы страны представлялись неисчерпаемыми и, казалось, могли бесконечно оплачивать все то, что задумывало руководство как внутри страны, так и за ее пределами. Власть по-прежнему видела себя тоталитарной, но в разных слоях общества зрели анклавы иных форм политического сознания. Разрушались основы тоталитарной механики, народ и власть больше не были монолитом, а распадались на большие и малые группы, живущие внутренними интересами. Одни пытались игнорировать власть, как, например, интеллигенция. Другие старались освоить и подчинить власть, как деятели теневой экономики.

Государство должно идти на какие-то изменения в собственной организации. Наиболее распространенным, психологически легким для власти путем является смягчение, известное послабление режима. При этом структура власти сохраняется, аппарат подавления держится в боевой готовности, но используется в значительно меньших масштабах. В последние годы режима Франко в Испании говорили, что положение в стране, как на дороге, когда полиция установила ограничение скорости, но не штрафует за его превышение. Граждане спокойно и привычно нарушают правила, но все виноваты и в любой момент могут быть наказаны.

Такой способ трансформации режима быстро демонстрирует свою неэффективность. Чувствуя слабость власти, активизируются различные антисоциальные группы, возникает мафия, бурно развивается теневая экономика и т.д. Противоречие между законом, по которому "ничего нельзя", и повседневной практикой, убеждающей, что "все дозволено", провоцирует на проверку реальных границ запретов. Это периодически толкает власть на защиту своего престижа, демонстрацию силы: в самосознании власти она еще остается тоталитарной, противодействие ей — оскорбление. Так среди всеобщего послабления возникают вдруг признаки прошлых суровых времен.

Теряя последние рычаги, власть огрызается непоследовательными, бессмысленными, жесткими мерами, какими были процессы над диссидентами и директорами, бросающие сегодня

специфический свет на все послесталинские десятилетия. При всем том, что различало, скажем, Иосифа Бродского и Ивана Худенко, оба они, как и тысячи других пострадавших, пытались просто заниматься своим делом, выделить узкую область компетенции, в которой могли бы реализовать себя помимо власти. Курчатову, Королеву, Туполеву это удалось, тут государство признало полезность их профессиональной независимости и пошло на локальные отступления от тоталитарной идеи. Всем тем, кто не претендовал, что их талант даст власти победу в будущей войне, нечего было рассчитывать на признание их профессионального достоинства.

Все это можно описать как процесс постепенного разложения тоталитарной власти и вытеснения ее иным типом власти — авторитарным. В отличие от тоталитарной, ***авторитарная система***, обеспечивая любым путем, в том числе и прямым насилием, политическую власть, не допускает в сфере политики никакой конкуренции, не вмешивается в те области жизни, которые не связаны с политикой непосредственно. Относительно независимыми могут оставаться экономика, культура, отношения между близкими людьми. Личная независимость, в известных пределах, не рассматривается как вызов существующей системе правления. Поэтому в авторитарных системах люди, в принципе, имеют возможность выбирать между различными центрами влияния или конкурирующими друг с другом мафиями. В тоталитарной системе мафии невозможны, точнее, вся она представляет из себя одну огромную, победившую конкурентов мафию. Авторитарное общество в своем доведенном до логического конца варианте построено на принципе "разрешено все, кроме политики". Власть отказывается от несбыточных претензий на полный контроль и выделяет лишь несколько зон, в которых оставляет управление за собой: это собственная безопасность, оборона, внешняя политика, социальное обеспечение, стратегия развития и пр. Экономика, культура, религия, частная жизнь остаются без отеческого внимания. Такая организация власти, в наиболее чистом виде, существовала до недавнего времени в Южной Корее и в Чили, постепенно она устанавливается в Китае. Авторитарные режимы оказываются устойчивыми, им удается сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, и на определенном этапе общественного развития сочетание сильной власти со свободной экономикой является весьма эффективным.

В нашей стране переход от тоталитарного к авторитарному режиму правления постепенно происходил — а кое в чем еще происходит — в течение всех десятилетий после 1953 года, но символом этих изменений стал приход к власти Ю. В. Андропова. Как специалист, он вряд ли заблуждался в истинном отношении народа к власти. Любви нет и не стоит добиваться — достаточно требовать послушания. Тональность идеологии стала меняться. Политическим идеалом власти стал профессионализм. Каждый должен заниматься своим делом. Честное и точное выполнение должностных инструкций лучше всякого энтузиазма поможет подъему страны. Специалисты нужны и в управлении страной, и в писании картин, и в науке, и в разведке. Все наши беды от некомпетентности, коррупции и безделья.

Само по себе признание ценностей профессионализма было шагом вперед по сравнению с орденоносной бездарностью прежнего руководства. Это было понято и с надеждой принято обществом. Хорошая работа стимулиро валась, однако, мерами, которые диктовались профессионализмом в области репрессий и полным дилетантизмом в политике. Массовые проверки того, кто чем занимается в рабочее время, стали образцом активной некомпетентнос ти власти. В том же духе оказались выдержаны и позднейшие плоды — Указ о нетрудовых доходах и антиалкогольное законодательство.

Авторитарное общество порождает глубокую пропасть между народом и властью, причем любых возможных мостов через эту пропасть чуть ли не в равной мере избегают и государство, и общество. Важнейшим феноменом авторитарного сознания является массовое отчуждение от власти. Для тоталитарного сознания отчуждение не характерно — люди сливаются с властью и идентифицируются с лидерами, либо становятся нелюдьми. Вместе с отчуждением авторитарный режим порождает характерные чувства недоверия, тревоги, апатии и даже отвращения к действиям власти. Всякие, даже разумные решения вызывают скепсис и горькую усмешку. Отчуждение от политики связано с подавлением некоторых базовых человеческих потребностей и, как таковое, обязательно ведет к компенсаторным действиям. Алкоголизм, ставший образом жизни миллионов, был одним из побочных следствий отчуждения от политики.

Авторитарный режим формирует новую интеллигенцию, которая уже не боится заниматься своим делом, но больше всего на свете не любит политику. Политика — грязное дело. Как говорил герой А.П. Чехова, порядочные люди в политику не суются. О.Мандельштам сказал: "Власть отвратительна, как руки брадобрея". Одни интеллигенты, продолжающие сотрудничать с властью, практиковали разлагающее их двоемыслие: лицемерие на собраниях было платой за

возможность заниматься своим делом. Другие, имевшие мужество отказаться от сотрудничества, работали дворниками и шоферами и реализовывали себя в неофициальных социальных структурах — невидимых колледжах, артистических кафетериях, самиздатовских журналах второй культуры. Всех их объединяло глубокое неприятие политики. Даже диссиденты разделяли это общее чувство. Сергей Королев, проведший 12 лет в лагере и ссылке за редактирование "Хроники текущих событий", важнейшего политического органа эпохи, говорит: "Лично мне и некоторым из хорошо мне известных правозащитников свойственно неистребимое интуитивное отвращение к политике".

Политическим идеалом авторитарного сознания являются независимость и профессионализм. Независимость — в пределах существующих законов, узаконивающих бесправие. Профессионализм — не обязательно на работе, в рабочее время надо пить чай и дружить с начальством. Все это ведет к половинчатости, расщепленности авторитарного сознания, беспомощному стоицизму. Интеллигентский уход от политики в проблемы духовной жизни делает интеллигенцию еще более зависимой, а власти — еще менее компетентными. Уклонение обеих сторон от участия в общественном диалоге, шедшее с двух концов разрушение всех формальных и неформальных каналов обратной связи, дорого обошлись нашему обществу. Интеллигенция состоит из людей, обязанных видеть, думать, предупреждать, и они, наряду с властью, несут ответственность за состояние нашего общества. К сожалению, интеллигенция оказалась подвластна суевериям тоталитаризма и не сумела избавиться от них с переменой режима. Более того, многие из нас даже не почувствовали этой перемены. Некоторые не чувствуют ее и сегодня.

Между тем иллюзии рассыпались быстрее, чем могли ожидать самые свободные от них люди. Одновременно с крушением слабеющей веры в бессмертие вождей, проверке реальностью подверглись и вера в безграничность ресурсов власти, и вера в ее справедливость и могущество, и вера в бесконечное, воистину чудесное терпение народа. Война в Афганистане, исчерпание дешевого сырья, серия катастроф, коррупция, всеобщие признаки экологического кризиса вернули нас на землю со скоростью пикирующего самолета. Ответом были изменения внутри КПСС и бурный рост общественных движений экологического, национального, политического порядка.

В течение нескольких лет произошли серьезные изменения политического сознания. Политика явилась из небытия и сразу стала делом, интересным для всех. Ограничения на подписку в 1988 году взволновали людей больше, чем дефицит продуктов. Расписаться под коллективным письмом в газету или в орган власти из неслыханного и очень рискованного дела стало заурядным событием. Митинги собирали сотни тысяч людей. Политика заполняет газеты и телепрограммы, отодвинув на десятое место спорт и все то, что раньше было на первом. Политизируется все — экономика, искусство, экология, право. Многолетняя политическая засуха сменилась бурным весенним половодьем.

На смену авторитарному обществу и авторитарному типу сознания приходит нечто принципиально новое. В ***поставторитарном обществе*** *возникает феномен, отсутствующий в авторитарной и тоталитарной системах —* ***общественный диалог***. Это такое взаимодействие разных индивидов, групп и институтов в поле общественного сознания, в котором каждый партнер относится к другому как к субъекту, признавая его ценность, право на существование и независимость. Тоталитарная власть, превращающая все вокруг себя в единого субъекта, изъясняется монологами. Диалог здесь просто не с кем вести, он невозможен и ненужен, все равно что игра в шахматы с самим собой. Авторитарная власть тоже не допускает диалога, строя стену между собой и обществом. Дела общества не интересуют власть, дел власти чурается общество.

Поставторитарное общество ведет прямой и непрерывный диалог с властью. В диалоге преодолевается и слияние партнеров, и их отчуждение. Диалог ведут те, кто знает, что партнер — другой, но не чужой. Его позиция важна и заслуживает внимания.

Поставторитаризм, однако, не означает демократии. Общественный диалог может быть организован по-разному. Одна власть — назовем ее преддемократической — позволяет обществу и разным социальным группам влиять на принимаемые решения.

Демократическое общество само выбирает носителей власти и через них — тот или иной вариант решения. Итак, слияние, отчуждение, влияние, выбор — такова эволюция отношений к власти.

4.2. Психология политического поведения

Политологические модели политического поведения. Политологи уделяют больше внимания содержательной стороне поведенческих феноменов, т.е. тому, ***что*** происходит в политике, между тем как психологи видят свою задачу в том, чтобы понять, ***как*** это происходит.

В отличие от других наук о политике, политическая психология изучает прежде всего людей, исполняющих различные политические роли. Сам термин "политическое поведение" трактуется совершенно по-разному, в зависимости от взглядов на предмет исследования. Интерес к этому феномену пришел из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении "наблюдаемого поведения", то есть только тех проявлений политики, которые можно регистрировать со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в поле политики. Политические бихевиористы (Д. Истон) предложили ***ситуационный подход.***

Ситуационные факторы включают: 1) физическую среду, 2) органическую среду и 3) социальную среду. Эти факторы не связаны с тем, что думают по этому поводу сами участники политического процесса и носят объективный характер. Их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить корреляцию между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений исследования демократии является установление зависимости между объективным фактором — уровнем социально-экономического развития и утверждением демократи ческого режима. Например, известный американский исследователь С. Липсет предложил гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров.

Другой разновидностью той же трактовки поведения является ***теория политического обмена*** (П. Блау), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит и в экономике: кто больше вносит средств, времени, сил, тот может рассчитывать на получение от политики большего вознаграждения. Само политическое поведение рассматривается в качестве результата рациональных решений о том, что индивиду более выгодно. Эта модель применяется и для прогноза результатов выборов, и для анализа принятия решения лидерами. Она рассматривает человека как исключительно "рыночное существо", оставляя без внимания его эмоциональные порывы и стихийные поступки.

Для теоретиков ***конфликта*** (Г. Экстайн) характерно представление о политическом поведении как обреченном на конфликт: либо внутриполитический, либо внешнеполитический. Конфликт и согласие рассматриваются как два нормальных состояния человеческого существования. Но в политике, в отличие от выяснения отношений с помощью драки, конфликт облекается в некоторые условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения конфликтной ситуации (договор об общественном согласии, договор о ненападении, операции по поддержанию мира и т.п.).

Теоретики ***плюрализма*** также видят политику неоднородной. Они считают желательным наличие не одного, а множества центров властных отношений. Поведение участников политического процесса подчиняется законам конкуренции. Но политические соперники в нормальном обществе не уничтожают друг друга, так как между ними заключено своего рода "джентльменское соглашение", основанное на терпимости элит друг к другу и их взаимной сменяемости.

При этом наличие не одного, а многих центров принятия политических решений не означает автоматического согласования интересов и не приводит к более эффективному регулированию политической жизни. Так, например, в современной российской политике уже нет единого центра принятия внешнеполитических решений.

Более того, каждое ведомство (президентская администрация, парламент, МИД, министерство обороны) ведет свою собственную внешнюю политику, что приводит к рассогласованию национальных интересов. С одной стороны, наличие различных центров власти свидетельствует о создании системы сдерживаний и противовесов, характерных для демократического государственного устройства. С другой стороны, на нынешней стадии этого процесса плюрализм элит не дает положительного эффекта прежде всего из-за отсутствия общих для всех участников правил игры.

В целом в политической науке под термином "**политическое поведение** " понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти (правительство, мафия), так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование "против" или неявка на выборы также трактуются как формы политического поведения. Так, например, тот факт, что

на выборы 1993 года в России не пришло 47 % избирателей — важная характеристика поведения избирателей.

Психологические модели политического поведения. Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения дополняется исследованиями психологической природы тех поступков, которые совершают граждане. Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему "стимул—реакция" промежуточные факторы, некое "среднее звено", которым может быть установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащая либо отдельному индивиду, либо группе. Это означает, что никакую форму политического поведения нельзя напрямую объяснить только как результат воздействия политических стимулов. За исключением может быть самых простых проявлений политической активности, предпринятых ради выживания, все остальные акции опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

В отечественной психологии сложилась продуктивная традиция анализа различных форм деятельности, связанная с именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и ряда других психологов, и получившая название ***деятельностного подхода.*** Эта методологическая установка успешно работает в целом ряде отраслей психологической науки и вполне может быть применена и для исследования политической деятельности.

Одним из постулатов теории деятельности является отказ от изучения изолированного индивида. Психологи школы Выготского-Леонтьева, задолго до появления теории систем, выдвинули тезис о необходимости изучения индивида в системе его отношений с учетом обратной связи, идущей от него к системе. Современные психологи ввели еще одно требование: изучать поведение человека в процессе эволюции порождающей его системы. Применительно к политической психологии это означает такой способ анализа, который прослеживает человеческий фактор в течение всей эволюции политической системы.

Не случайно и то, что отечественные психологи, не отказываясь от категории "поведения", предпочитают говорить о "деятельности". В данном случае "поведение" трактуется как внешнее выражение деятельности, без учета ее субъективного компонента. Для политико-психологического анализа это означает, что деятельность индивидуального политического субъекта встраивается в систему политической культуры нации или группы, которые и придают ей общий смысл и значение.

Сказанное не означает отказа от использования термина "поведение", который полезен для описания соответствующих форм политической деятельности. Но при этом, в отличие от бихевиористских подходов, человек рассматривается, во-первых, и как объект, и как субъект политических отношений. Во-вторых, деятельность в политике не сводится только к ее внешним проявлениям.

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три ***формы проявления человеческой активности*** : инстинкты, навыки и разумные действия **.** Эта психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

Инстинкты как форма политического поведения. **Инстинкты** - врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направление энергии поведения. Хотя между психологами нет единства в вопросе о том, каковы границы действия инстинктов у человека, но общепризнано сегодня положение о том, что значительное число форм поведения имеет инстинктивный характер. Одни психологи насчитывают таких инстинктов десятки, другие доводят их число до нескольких тысяч. Набор инстинктов включает как все автоматизмы в поведении человека (от дыхания до ходьбы), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике мы находим проявление всех человеческих инстинктов от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно, инстинктивная основа поведения в политике объясняет прежде всего направление энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаются самим человеком.

Жестокость, насилие, агрессия — это тоже инстинктивные формы поведения . **Агрессия** - естественная реакция индивида на фрустрацию, которая природно необходима человеку. **Фрустрация** _ психическое состояние переживания неудачи, возникающее при наличии реальных или мнимых непреодолимых препятствий на пути к цели.

Одни авторы полагают, что эти формы поведения — врожденные, другие видят в них результат научения, третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию. Однако, помимо агрессии, фрустрация вызывает и другие, также инстинктивные реакции: апатию,

регрессию, подчинение и избегание. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

Солидарность - одна из инстинктивных форм поведения индивидов, которые способны не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать. В основе проявлений солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной партией, группой, нацией, позволяющая объединить усилия членов этих групп по достижению своих целей и интересов. Одним из классических проявлений солидарности являются различные акции протеста, принятые в поддержку своих товарищей. Так, работники отрасли объявляют готовность к забастовке, чтобы поддержать то предприятие, которое находится в конфликте с администрацией. Отказ Центризбиркома в регистрации движения "ЯБЛоко" в октябре 1995 года вызвал, пожалуй, одно из первых проявлений солидарности среди российских политических партий, которые отказались участвовать в выборах, если "ЯБЛоко" не будет зарегистрировано.

Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом, инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Навыки как форма политического поведения. В отличие от врожденных инстинктов, большая часть проявлении человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Навыков требует поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного функционера и сторонника движения. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду определенные ***приемы и способы***, которые требуются для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса, ***привычки и стереотипы*** , образующиеся у граждан в определенной политической культуре.

Политические стереотипы - социальные установки, которые являются следствием повторения определенных политических действий и упрощают принятие решений.

Политические умения или компетентность предполагают, что гражданин знает, что он должен делать в своей политической роли и как добиться желаемого им результата. В российской политической жизни последних лет достаточно широко распространена точка зрения, что рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Отсюда и неэффективность проводимых реформ. Насколько это верно с точки зрения политической психологии?

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, действительно не всегда помогают действовать в новых условиях. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми парадоксами. Так, раньше у населения был выработан стойкий политический навык участия в выборах. Число голосующих в советские времена превышало 90 % дееспособного населения, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации мы наблюдаем последовательное снижение числа участвующих в голосовании. Так, если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 приняло участие 90 % граждан, в выборах в республиканские и местные органы власти 1990 года — около 80 %, то в парламентских выборах 1993 года в РФ участвовало уже только 53 % избирателей.

Но, одновременно, с утратой одних навыков наши граждане приобрели другие. Электоральное поведение становится хотя и менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате этого навыка у большого числа граждан), но появляется и определенная компетентность в отношении самого голосования. В отличие от выборов 1993 года исследования предвыборных ожиданий в 1995 году показали, что граждане стали меньше ориентироваться на личные симпатии и больше — на то, какие политические позиции выражают политики. Появились и такие новые политические навыки, которые были приобретены в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах, о которых мы ранее знали лишь понаслышке.

Компетентность в политическом поведении становится тем более необходимой, чем более сложными являются сами формы поведения. Лидер должен быть более компетентным, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Давняя дискуссия в политологии ведется по вопросу о сменяемости лидеров как условии соблюдения принципов демократии. При этом, скажем, уход вместе с президентом всей его администрации и приход новых, менее опытных политиков, приносит снижение уровня компетентности в управлении государственным организмом. Но практика показывает, что и бессменное руководство таит свои опасности, среди которых главная — это застой общества.

Говоря о выработке политических навыков, следует сказать, что все политические системы заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным их набором, для чего создаются специальные институты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, политические лидеры рекрутируются среди тех граждан, которые получили определенный опыт общественной или собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существует специальная система обучения уже избранных парламентариев. В других системах их отбирают из числа тех, кто получил предварительно знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно среди парламентариев много юристов, людей со степенями в области политических наук.

Разумные действия как форма политического поведения. **Разумные действия** - форма политического поведения, которая характеризуется эффективностью (сравнением цели с результатом), степенью осознанности политических действий и соответствием высшим ценностям, поставленным во главу угла проводимой политики. Но, как бы не оценивать эту форму политического поведения, главной характеристикой, отличающей ее от двух предыдущих, является выраженное ***целеполагание*** .

Чтобы обеспечить политике целенаправленный характер, объединяющий разных ее участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных политических акций, кампаний. Особое значение для политического поведения отдельного человека и партий играют ***идеологии*** как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике.

Понятно, что поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах целями и ценностями: последние служат для человека лишь своего рода путеводителем. Исследования массового политического поведения показывают, что только незначительное число людей в разных странах и политических системах руководствуются в своем поведении идеологическими соображениями. Американский политический психолог Ф. Конверс полагает, что число таких граждан в разных странах колеблется от 10 до 25 %.

В нашей стране долгое время идеологические формулы организованно внедрялись в сознание населения. В постсоциалистический период эти схемы активно разрушались новой властью, которая понимала, что старые догматы служат препятствием для реформирования политической системы. Но никто из реформаторов не построил на месте разрушенного новой схемы. В мемуарах тех, кто начинал перестройку (Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар), не содержится фактов, подтверждающих, что реформы были начаты по какому-то плану, что под ними была теоретическая схема, не говоря уже об идеологии реформ.

Знакомство с программными документами новых политических партий и движений показывает, что и в них пока не содержится четкого представления о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются делать, какова иерархия их целей и приоритеты ценностей. Наше исследование индивидуального политического сознания как политиков, так и рядовых граждан показывает, что в настоящее время в головах и тех, и других царит большой хаос.

Выделение указанных трех форм политического поведения: инстинктов, навыков и разумных действий предпринимается с аналитическими целями. В реальности поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда представляется возможным. Однако помимо дилеммы: сознание-бессознательное в структуре политического поведения содержится и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его анализ более точным и детальным.

4.3. Политическая культура

Политическая культура - система ценностных ориентаций, символов, верований, ритуалов, установок на политические действия.

Установка - специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение потребности в данной ситуации.

Современная политическая психология представлена большим числом теоретических моделей политической культуры. Однако все это пестрое разнообразие подходов, исследовательских стратегий и методов вписывается в *две ведущие тенденции* . Первая из них основана *на представлении о человеке как объекте политического воздействия* **,** о человеке как простом винтике политической машины. Отсюда и инженерный подход к налаживанию работы этой машины и технократизм как исследовательская философия этой группы политических

психологов. Методологическим фундаментом этой группы концепций являются по большей части позитивистские теории, пришедшие как из психологии, так и из политологии.

Вторая группа исследователей исходит из другой теоретической установки. Для них *человек является не только объектом политического воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом* . В рамках этой тенденции работают иные методологические ключи.

В частности, для теоретиков этого направления характерно обращение к антипозитивистским моделям личности. Они выбирают такие теоретические парадигмы, для которых не свойственны манипуляторские тенденции.

Политические психологи, исследующие культуру поведения человека, будь это лидер или обычный гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики, исходят из того, что для понимания самого феномена политического поведения необходимо видеть его как причинно обусловленный и направленный на достижение определенных целей. В политической психологии существуют различные схемы объяснения культуры политического поведения. Одной из наиболее популярных является пятичленная "карта для изучения личности в политике", предложенная М. Б. Смитом и несколько усовершенствованная Ф. Гринстайном.

Макросоциальная и политическая система воздействует на культуру политического поведения. Одновременно аспекты непосредственного социального и политического окружения, с детства и до сегодняшнего момента формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры (оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими людьми, обусловливающие эго-защиту, установки), которые непосредственно направлены на культуру поведения.

Есть и иные психологические схемы, объясняющие причинную зависимость факторов, воздействующих на культуру поведения, подчеркивающие, в частности, наличие не только условий, контекста поведения, но и цель, на которую оно направлено. Независимо от теоретических разногласий, разные авторы, тем не менее, считают необходимым учитывать в поведении следующие моменты:

- внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения;
- потребности индивида или группы, участвующей в деятельности;
- мотивы, которыми руководствуется субъект, установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта;
- личностные роли, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений, когнитивный стиль;
- действия и поступки, обратную связь между поведением и условиями, его сформировавшими.

Если не вдаваться в подробности этой схемы, а проанализировать хотя бы важнейшие из ее элементов (прежде всего внешнюю среду, потребности и мотивы), то мы увидим, что поведение начинается с тех стимулов, которые посылает субъекту политического поведения ***внешняя среда.*** И сама политическая система, и отдельные ее институты предъявляют требования к культуре поведения граждан. Так, в одних условиях от них ожидается высокая активность, в других, даже если это требование декларируется, реальные ситуации, складывающиеся в политическом пространстве, отнюдь не поощряют граждан к выступлениям даже на стороне системы. Как можно расценить, например, циркулирующие в "коридорах власти" слухи об отмене выборов незадолго до них. Это негативный стимул для и без того не слишком настроенных на участие людей. Стимулами для политического поведения могут служить и общий политический контекст, и конкретные события (например, смерть академика Сахарова, запуск первого космического корабля или победа национальной сборной по футболу).

Следует также учитывать и роль группового климата, воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том или ином политическом действии. Так, решение баллотироваться в депутаты Думы разные кандидаты принимали под воздействием разных стимулов: для одних было необходимо получить депутатскую неприкосновенность, чтобы укрыться от преследования со стороны закона, для других было важно перебраться из провинции в Москву, для третьих решающую роль сыграли экономические стимулы. Возможно, определенное число политиков стремилось принести пользу обществу и ими двигали побуждения типа "если не я, то кто".

Так же, как и политиков, обычных граждан стимулируют к политическому поведению разнообразные средовые воздействия, среди которых есть и общие для всех, и сугубо личные. Но все эти внешние для человека воздействия не работают автоматически. Они дают эффект только будучи пропущенными через внутренний мир личности.

Среди внутриличностных факторов, определяющих культуру поведения в политике, первыми выступают ***потребности*** **.** Трудно себе представить, чтобы политика порождала у человека какие-то специфические потребности, если не считать навязчивого стремления стать депутатом, министром или президентом, которое, подобно заразному заболеванию, распространилось среди отечественных политиков. В политике действуют обычные человеческие потребности, среди которых можно встретить и любопытство, и стремление к свободе, и необходимость удовлетворить голод и иные материальные нужды.

Чтобы понять, как происходит воздействие потребностей на политическое поведение, приведем некоторые данные из нашего исследования образов власти у российских граждан. Как показал анализ требований граждан к власти, за ними имеются вполне конкретные психологические причины. Рассмотрим те потребности, которые стоят за приведенными высказываниями наших респондентов и определяют их недовольство нынешней властью. Воспользуем ся психологической классификацией потребностей, предложенной известным американским психологом А. Маслоу. Все потребности он предложил разделить на пять ступеней, расположенных иерархически:

— физиологические потребности,
— потребность в безопасности,
— потребность в любви,
— потребность в самореализации и
— потребность в самоактуализации.

Классификация потребностей, предложенная А. Маслоу, помогает "рассортировать" многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Маслоу предположил, что потребности более высокого уровня мы можем удовлетворить лишь тогда, когда более низкие ступени уже пройдены. Это не означает, что поиском социального статуса можно заниматься только на сытый желудок. У Маслоу речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные низшие потребности на восхождение человека к самоактуализации.

Анализ мотивации политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологической наукой. Так, общепризнанной является *классификация мотивов*, предложенная Д. Маклелландом и Дж. Аткинсоном, где выделены три ключевых мотива: мотив *власти*, мотив *достижения* и мотив *аффилиации* (стремления быть с другими). Иногда мотив власти дополняется мотивацией контроля, который выступает как четвертый в этой схеме.

Начнем с ***мотива обладания властью.*** В психологической концепции Маклелланда речь идет не только о политической власти, но и о власти в семье, в отношениях на производстве, в иных сферах жизни. Власть — это некая ценность, к обладанию которой стремятся в той или иной степени все люди. Но есть люди, у которых эта потребность доминирует над другими и тогда желание достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть данные, что гипертрофированное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, порождающими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться под чьим-то "каблуком". В другом случае, потребность во власти может стать результатом развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в различное время эти причины могут быть иными. Условно можно выделить три типа причин, по которым власть может быть желанна:

- чтобы доминировать над другими и/или ограничивать действия других;
- чтобы другие люди над ним не доминировали и/или не вмешивались в его дела;
- чтобы осуществлять политические достижения.

Мотив контроля над людьми и ситуацией является модификацией мотива власти. Политические психологи придают этому мотиву особое значение, так как полагают, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере достижения социальной зрелости человек научается контролировать свое собственное поведение, это дает ему чувство уверенности в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в том числе и в политике. Так, американский политический психолог С. Реншон обнаружил зависимость между высокими значениями субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Он высказал гипотезу о том, что существует зависимость между личным контролем и верой в правительство, позитивным отношением личности к политической системе. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим ученым, показало, что есть корреляция между низким уровнем субъективного контроля и недоверием к правительству, отчуждением от

политики, между тем как лица с высоким уровнем субъективного контроля имеют среднюю и высокую степень доверия к власти.

Мотив достижения проявляется в политическом поведении в заботе о совершенстве, мастерстве, в стремлении добиться поставленных целей с максимальным эффектом. Этот мотив может сделать человека карьеристом, но он же может быть обнаружен у бескорыстного политика, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Макллеланда и Аткинсона, которые привлекли внимание психологов к этому мотиву, он имеет отношение к мастерству, манипулированию, организации физического и социального пространства, преодолению препятствий, установлению высоких стандартов работы, соревнованию, победе над кем-либо. Как видно, это довольно широкая трактовка понятия "достижение", и в таком виде она может больше соответствовать мотивации политического лидера.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы достичь своей цели. Они более спокойно относятся к изменениям в окружающем мире. У людей с высокой потребностью во власти проявляется тенденция к сильной ориентации на задачу, причем неуспех в начале лишь делает эту задачу для них еще более привлекательной. Интересен вывод о том, что мотивированные на достижение политики рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи для их достижений. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые могли бы привести их к зависимости.

Дж. Аткинсон и Н. Физер предположили, что поведение человека направлено на избегание провала столь же, сколь и на достижение цели. Они выделили два мотива, связанных с потребностью в достижении: *мотив достижения успеха и мотив избегания провала*, причем оба они рассматриваются в контексте вероятности успеха. У. Стоун отмечает в этой связи: "Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении".

Таким образом, выделяется два типа мотивационных схем:

- мотивация избежать провала выше мотивации достичь успеха. Такая мотивационная схема описывает поведение человека, покидающего поле боя со словами: "Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть";
- мотивация достичь успеха выше мотивации избежать провала. Это типичная мотивационная схема поведения реальных политических лидеров.

Мотив аффилиации подразумевает дружественные, теплые отношения с другими. Личность с доминантой на мотиве аффилиации предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, скорее, чем контроль над другими, власть или успех.

Потребность в аффилиации - потребность в принадлежности к группе и получении одобрения, которая проявляется в заботе политического лидера о хороших отношениях с другими.

Для политика развитая мотивация аффилиации сделает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан мотивация аффилиации во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущение единства, защищенности.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Составьте логическую схему базы знаний по теме курса.
2. Раскройте одну из тем: основы политического лидерства, политического насилия или политической культуры (на выбор).
3. Выявите ошибки в предложениях:

а) Психология политиков — отрасль психологической науки, изучающая когнитивные и поведенческие аспекты психологии личности политиков -профессионалов, а также все многообразие групповых процессов, происходящих в политике.

_____

___

_____

_

_____
__
_____
_
б) Политическая идеология — систематизированный, относительно непротиворечивый набор политических ценностей.
_____
___
_____
_
_____
__
_____
_
в) Политический терроризм — поведение индивида в ситуации давления на него группы, которое не всегда осознается человеком.
_____
___
_____
_
_____
__
_____
_
г) Политический кодекс — набор прав и обязанностей, статус, реальные функции, связанные с местом личности в политической системе.
_____
___
_____
_
_____
__
_____
_

4. Найдите правильный ответ.

4.1. Специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение потребности в данной ситуации - это

A. инстинкт
B. мотив
C. установка
D. алгоритм

4.2. Система ценностных ориентаций, символов, верований, ритуалов, установок на политические действия - это политическая

A. солидарность
B. плюралистичность
C. активность
D. культура

4.3. Социальные установки, которые являются следствием повторения определенных политических действий и упрощают принятие решений - это политические

A. стереотипы
B. алгоритмы
C. инстинкты
D. мотивы

5. Постройте классификацию по двум основаниям структурированное и неструктурированное насилие, а также индивидуальное и коллективное насилие и приведите примеры:

а)
б)

в)
г)

6. Из перечисленного выберите то, что составляет ветви государственной власти:
- тоталитарная власть
- законодательная власть
- преступная власть
- исполнительная власть
- административная власть
- судебная власть
- авторитарная власть

Назовите общим термином совокупность перечисленных понятий:
- национализм, авторитаризм, насилие, агрессия, конформизм;
- жестокость, насилие, агрессия, солидарность.

7. Дайте соответствующее (правильное) определение понятиям. В первой колонке таблицы дается понятие, во второй - его определение.

АВТОР

Лекерова Гульсим Жанабергеновна
кандидат педагогических наук, доцент

Переход на главную страницу